

ОКСАНА ЗАУГОЛЬНАЯ

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

16+

Оксана Заугольная
Горькие яблоки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Заугольная О. О.

Горькие яблоки / О. О. Заугольная — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жить без магических способностей в мире, где царит магия, непросто и обидно. Но что станет с Радкой, если она сумеет пробраться туда, куда путь таким заказан. Драконы и маги, интриги и предательства - этого ли она хотела? И удастся ли ей выйти живой из этой истории? Иллюстрация специально для книги, художник Анна Шевелева

© Заугольная О. О., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
1 глава	7
2 глава	12
3 глава	16
4 глава	19
5 глава	23
6 глава	26
7 глава	29
8 глава	32
9 глава	35
10 глава	39
11 глава	43
12 глава	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог

Радослава ускорила шаг, локтем поправляя прядь волос. Руки были заняты сыном, ладно хоть тот крепко держался за шею и молчал. Завернутый в край плаща и тихо сопящий ей в плечо, Фабусь не был виден из окна, а Радка не оборачивалась, спиной чувствуя взгляд из окна поместья. Только бы никто не понял, что она собирается лететь вместе с сыном, не попытался остановить! Так и дошла до площадки вызова дракона, и только там наконец спустила сына с рук, и коснулась магического колокольчика своим браслетом. Привыкнуть к магии оказалось неожиданно легко, как и ко всем удобствам, что она давала.

Несколько минут – и ветер в лицо стал первым знаком, что дракон уже рядом. А потом грузная туша неожиданно легко для такого размера опустилась на площадку, и Седой сунул свою огромную уродливую голову к её руке, словно надеялся на ласку.

Теперь, когда Радка знала, что искать, она увидела цепь, затерявшуюся среди чешуи на шее дракона. Кажется, за неё держался всадник во время полета. Но именно эта цепь делала дракона таким... ручным.

Радка снова оглянулась на едва заметное на фоне темного неба поместье. В глубине души она может и хотела, чтобы её остановили, но только рисковать жизнями – своей и Фабуся она не собиралась.

– Пойдем, Седой, – она ласково погладила бугристую морду дракона и наконец усадила сына на шею дракона, а потом и сама забралась следом. – Скорее!

Если даже она догадалась, супругу понадобится еще меньше времени, чтобы прийти к тем же выводам, и тогда ей не выбраться из города. Она увидела вдалеке силуэт спешащего мужа, но Седой уже раскрыл крылья, поднимаясь в воздух. От ветра заложило уши, но это значило лишь то, что и хозяин дракона не сможет приказать ей или Седому спуститься. Это было главное.

– Лети к колодцам, – шепнула она, прижавшись к шее дракона и крепко придерживая свободной рукой сына, который лишь попискивал от удивления. Вскоре он пригрелся между гребнем Седого и материнским телом и снова засопел. Радка лишь позавидовала такому умению, сама же она дрожала от страха и предвкушения, гадая, удастся ей освободить этого магика или придется ни с чем возвращаться к мужу. Не прятаться же от него вечно с сыном и драконом.

Под крыльями дракона простирались снежные поля и заснеженные голые сады. В городе совсем не было снега, уже можно было купить раннюю клубнику или весенние цветы, но тут зима еще была в своем праве. Огоньки редких деревень то и дело проносились далеко внизу, но дракон не останавливался, пока Радка не поняла – он летит к её деревне. Туда, где они встретились впервые. Что это, его понимание задания, или именно там есть что-то, способное помочь ей?

Запоздало она поняла, что взяла лишь немного снеди и бутылку молока для себя и могла поделиться с Фабусем, а вот яблок не взяла вовсе. И что кидать в горькие воды колодца – непонятно. Конечно, можно попросить в деревне, там яблоки бережно хранили до самой весны, но как она посмотрит в глаза родным? Как они поймут, что она стала другой?

Вдалеке, там, где за морем начинались земли цветочников, розовело небо, поднималась заря. Седой нырнул в воздухе, начиная опускаться над с детства знакомыми Радке местами.

Вдалеке, за холмом Радка увидела спешащую к колодцам фигурку и запоздало испугалась, что появление дракона так рано весной привлечет много людей. Если кто-то погибнет из-за её глупости... Радка трянула головой. Даже думать о таком не хотелось. Поворачивать Седого было поздно, и Радка легко соскользнула со спины дракона на землю, а затем сняла сына. Пока она возилась с этим, у колодцев появился тяжело дышавший человек. Его волосы

еще больше поседели, да и глаза казались более выцветшими, чем Радка помнила, но в остальном он почти не изменился.

– Я знал, – просипел он, держась за бок. – Я знал, что ты вернешься.

1 глава

– Яблоки почти спели, скоро драконы прилетят, – заметила Янка, сидя на дереве и грызя еще зеленый и оттого кислый плод. Радка не взбиралась за подругой, боясь высоты, но та по доброте душевной кинула парочку яблок вниз в траву. И продолжала сидеть на ветке, болтая ногами и срывая самые лучшие. По крайней мере, снизу казалось именно так.

– Будешь бросать? – уточнила Радка и посмотрела на небо, словно драконы уже летели. Но нет, не летели. И яблоки были кислыми.

Селяне смеялись, что драконы слетаются на спелые яблоки. Поэтому, увидел крылатого ящера – собирай урожай. Так и жили в яблочном королевстве, пересекаясь в основном лишь два раза в год – магики, которых привозили с собой драконы, и простые люди. И никто не жаловался. Или почти никто.

– Буду, конечно, – Янка провела рукой над непонятно как расцветшем в канун осеннего урожая цветком и тот моментально скукожился, засох и облетел. И словно повеяло чем-то гадким, сухим. – У меня точно есть магический талант, он же еще в позапрошлом году полностью оформился. Только мама с папой просили годик обождать.

– Везет тебе, Янка, – практически простонала Радослава, едва не лопааясь от зависти. Зависти к таланту подруги, и тому, как её любят, как заботятся о ней родители. Появись хоть намек на магию у самой Радки, её бы к колодцам отвели, не дожидаясь драконов.

– Да ладно, – отмахнулась от подруги Янка и протянула руку за очередным яблоком. Радка привычно мысленно пожелала подруге навернуться с дерева, но это, как обычно, не сработало. Магиков вообще сложно покалечить, иначе стали бы они со всякими чудовищами водиться. Вроде драконов.

Под ложечкой у Радки сладко засосало, она представила чудовищ, известных только по книгам с картинками. Читать их с Янкой вместе научили Янкины родители. Наверняка с расчетом на то, что Янка будет волшебницей, но всё равно здорово. Радкин-то отец спохватился, что дочка растёт неучем, лишь весной. Полагайся Радка только на своих родителей, хороша бы была, неграмотная! Даже в деревне таких непутех почти не осталось, а уж в магическом городе...

– Лучше бы, конечно, ты могла заставлять растения расцветать, а не убивала их, – смолчать Радке не давала все та же зависть, а отнюдь не жалость. Слишком всё хорошо складывалось у подруги. Родители её обожали, она была хорошенькой как куколка – с золотистыми локонами и синими как васильки глазами. И в то же время обладала легким уживчивым характером, да еще и магией. Вот из-за магии было особенно обидно. Иногда Радке казалось, что, не будь магии у Янки, она бы досталась ей.

Но чего зря воображать, если самой Радославе ничего такого не перепало. Волосы у неё были светлые как выбеленный лен, но жесткие как пакля. Глаза тоже светлые, но такие, что не разобрать, голубые или серые. Лицо некрасивое, фигура нескладная. Конечно, сложно судить, какой она будет, когда повзрослеет, но вот в тринадцать лет она рядом с Янкой выглядела ровно как жаба с розой.

И, самое главное, у неё не было ни капельки магии. Даже намек на неё. А значит, ей всю жизнь предстояло прожить в этом селении, и если повезет – пару раз в год выбираться в соседнюю деревню на ярмарку.

– Это неважно, – ничуть не обидевшись, ответила Янка. – Магия или есть, или её нет. У меня есть.

Она совершенно точно говорила без всяких задних мыслей, но сама того не понимая, вонзала острый нож в сердце пострадавшей подруги. Как же Радка мечтала тоже бросить

яблоко и увидеть, как оно уходит на дно колодца! Как она хотела, несмотря на свою боязнь высоты, чтобы магики забрали её с собой на драконе! Но увы, одного желания тут было мало.

– Мама плачет, но вышивает мне красивый сарафан, чтобы я их не забывала. Будто я могу забыть их с папой!

На эту глупость Радка даже отвечать ничего не стала. Из тех счастливых, что уносили драконы, обратно возвращались единицы, да и то в лучшем случае на собственную свадьбу. Жениться в яблоневоом цвету тех садов, что вырастили найденного или найденную, считалось хорошей приметой. Если бы не свадьбы, вообще можно было заподозрить, что с найденными магиками происходит что-то плохое. Но нет, с ними всё было хорошо, даже слишком. Так, что они предпочитали вовсе забыть о своей семье и старых друзьях.

– Это хорошо, что мы не за морем. Говорят, там в колодцы бросают цветы, хороша бы ты там была со своими умениями, – вместо этого заметила Радка. Уколоть хотела, да побольнее, но Янка прыснула от смеха, словно услышала хорошую шутку.

– А ты придешь посмотреть на меня к колодцам? – поинтересовалась она, когда перестала смеяться. Она как раз ловко уничтожила магией огрызок и взялась за новое яблоко. Как и любая девочка в яблочном королевстве, съесть этих фруктов она могла превеликое множество. Даже неспелых.

Вообще-то этот вопрос даже не требовал ответа. Если взрослые ходили к колодцам не всегда, то уж детей от мала до велика от них было не оттащить. Это же праздник. Да еще огромный дракон темной горой возвышался над колодцами всё время, пока желающие пытались счастья. Дракон лежал совершенно недвижимо, можно было погладить его коготь, обхватить руками хотя бы одну чешуйку или, если совсем смелый, вскарабкаться на лапу.

Поэтому Радка сама удивилась своему ответу.

– Нет, – произнесла она, а потом добавила, всё расставляя по местам. – Я тоже буду бросать.

– О-о, – Янка спрыгнула с дерева и теперь Рада могла вблизи наблюдать, как красиво округляется её ротик от удивления. – Но зачем? Ты ведь знаешь, что если яблоко не утонет...

– Знаю, – отрезала Радка, чувствуя, что заливаётся краской. Даже это она тоже делала некрасиво. Нет бы как Янка – румяниться щечками. Она покрывалась пятнами до самой шеи. – Но я рискну.

И отвернулась, чтобы не видеть жалости в глазах подруги.

Обычно яблоко бросали в колодец только лишь в твердой уверенности, что в жилах течет магия. Потому что, если яблоко тонуло, найденного забирали с собой магики на величественном драконе, но если нет – это яблоко требовалось съесть. И, поговаривали, оно от воды колодца становилось невероятно горьким. Ну и жалость пополам с насмешками тоже были не сахар. Впрочем, такого давно не случалось, другое дело в старые времена.

Среди селян ходила легенда, что один человек обрел магию на пороге старости, а не в расцвет сил, что начинался в семь-восемь зим и заканчивался в шестнадцать. Позже уже никто не пытался, не до того становилось. Мальчишкам пора было всерьез браться за работу, девочкам хозяйничать в своем доме – замуж их начинали выдавать рано, а до тех пор нужно было многому успеть выучиться.

Так что Радка считала, что у неё все шансы. И потом, она не знала, может, магия в ней существует в причудливой форме и проявится, например, при встрече с единорогами. Или на море. Или в горах. Но не в родном селе. Не с теми, кого она в нем встречает каждый день. Нет уж, лучше рискнуть. Янке этого было не понять, ей-то жизнь всё подносила на блюдечке с голубой каемочкой.

– Ну и здорово, значит, вместе пойдем! – произнесла наконец Янка, успешно избавляясь от растерянности. Она вообще легко принимала всё, что происходило. – Хочешь, я тебя заплету?

Радка кивнула, до крови закусив губу. Янка искусно плела косы и даже из пакли своей подруги могла сделать что-то красивое. Это определенно принесло бы капельку уверенности. Больше ждать поддержки было не от кого.

Прошло всего три дня с того разговора, и небо словно закрыло тучами. Огромными и темными, за которыми не было видно солнца.

«Ну вот, пора и урожаем собирать», – забормотали старики. Взрослые привычно засуетились, доставая корзины, мешки, сети и палки для сбивания яблок.

Дети же сгрудились на площади, просто таращась в небо на драконов, которые летели над ними. Наконец, один начал снижаться. В какой-то момент показалось, что он закрыл собой всё небо. В селе стало темно, словно наступил вечер, но затем дракон неожиданно ловко для своей громоздкой туши нырнул в воздухе, уходя в сторону и исчезая за горизонтом. Наверное, направился в одно из соседних сел – там тоже были колодцы.

Радка честно выдержала битву с родителями, никак не желающими отпускать её «позориться» и выскользнула из дома, чтобы огородами добраться до Янкиного двора. Родители Янки жили куда зажиточнее, поговаривали даже, что кто-то из них был потомок магиков, которому не повезло обрести собственную магию. Сами они тех слухов не подтверждали, но и не опровергали. Это было почетно здесь, в селе.

Правда, сама Янка в это не верила.

– Как думаешь, кто у тебя из магиков, папа или мама? – как-то спросила Радка пару лет назад, наслушавшись разговоров старух, что чистили яблоки на площади. Болтливые соседки перемыли кости всем, ничуть не смущаясь вертевшейся рядом девчонки. В их деревне предполагаемых потомков магиков было всего четверо: совсем уже старый, за сорок, одинокий Хенрык, у которого был не только большой дом, но даже приходящая прислуга, невиданное дело! Родители Янки – тут старухи не могли решить, кто из них, и приписали магических родственников обоим. Да еще мальчишка чуть постарше самой Радки, неизвестно откуда взявшийся у Фелека и Майки, живших на окраине села. Судя по тому, как спешно начал Фелек строить новый дом, тут старухи не врали.

Да, иногда такое случалось, и у двух совершенно здоровых и магически сильных магиков рождался ребенок, который даже к возрасту начала созревания не подавал никаких признаков магических талантов. Опекунами желали быть все – это был простой способ выбиться из общей кучи и получить большой дом, землю и поддержку магиков.

– Да никто, – отмахнулась Янка, ничуть не помогая подруге. Радка для себя как решила? Если родители из магиков, которым не повезло, то и завидовать Янке нечего. Это ей просто передалось по наследству. – Иначе они бы со мной собирались. А они даже думать о городе не хотят.

Радка вздохнула. Не магик в магический мир мог отправиться лишь в одном случае. Если у него самого рождался магик. Да только родители «найденных», хоть и могли также уйти за детьми в более удобный и интересный мир, полный чудес и невероятных событий, предпочитали оставаться в своем, привычном и безопасном.

Вот этого Радослава совсем не могла понять. Как можно променять удивительную жизнь в городе, где вода течет прямо в домах, стоит только захотеть, где всегда тепло и сытно, где по улицам гуляют единороги, а небо застилают драконьи крылья не два раза в год, а ежедневно, где существуют самые удивительные лакомства и прекрасные одежды, на ковыряние в земле?

Даже родители Янки, хоть и заранее горевали от близкого расставания с дочерью, не собирались лететь за ней. Наверное, она была права, считая, их самыми обычными людьми.

Вспоминая это, Радка успела разозлиться, пока перелезала через плетень на заднем дворе дома подруги. Кто-то может протянуть руку и сорвать яблоко. Кому-то все руки исцарапать, а всё одно не достать! И словно в насмешку над её мыслями, Янка уже была во дворе. Раздетая

как маленькая хорошенькая фея, она еще больше разозлила Радку. Миленький синий сарафан с искусной вышивкой не шел ни в какое сравнение с выцветшим красным платьем, которое надела впопыхах Рада, чтобы поскорее покинуть дом.

А ведь хотела надеть зеленое. Оно и поновее, и делало её хоть немного, но симпатичнее. Всё шло не так!

– Я не знала, в чем ты будешь, поэтому ленты и заколки взяла разные, – улыбнулась Янка, словно не видя её кислой физиономии. Радка затосковала. А что если подруга улетит, а у неё самой так и не получится? Кто тогда будет терпеть её ужасный характер?

Заколки были не такие, как на магессах, которые прилетали в село во время цветения яблонь. У девчонок все украшения были самодельные, из яблочных семечек и разных мелких плодов, искусно покрытых смолой и застывших глянцевыми драгоценностями. А вот ленты у Янки были дорогие, из шелка. Отец их привез ей с ярмарки из той деревни, что была ближе к городу. Там и настоящие диковины встречались, а он всё ленты возил. Любого цвета, всё для обожаемой дочурки!

– Если ты улетишь, а я нет, как я верну ленту? – неуверенно начала Радка, пока ловкие пальчики подруги колдовали над её волосами. Говорить об этом не хотелось. Даже думать не хотелось, но чего у Радки было не отнять, так это чувства справедливости. Хотя именно оно шептало, что уж лент-то у Янки будет в достатке. И настоящих украшений, и сладостей...

– Это подарок, – ответила Янка рассеянно. – В любом случае. На удачу. И потом, тебе этот цвет идет куда больше, чем мне.

– Хорошо, – растерянно ответила Радка, даже не найдя язвительного ответа. Она вот не додумалась хоть что-то подарить подруге на память, а потом будет поздно, потому что Янка улетит, а она... Только об этом по-прежнему думать не хотелось.

Они нарядились и придирчиво оглядели друг друга, чтобы не пропустить что-нибудь, после чего Радка подождала, когда подруга сорвет яблоко, и они побежали к колодцам. Её собственное яблоко грело бок у неё за пазухой. Нигде не говорилось, что яблоко должно было быть из собственного сада, но все претенденты предпочитали срывать их со своих деревьев, словно это должно было принести удачу. Вот и Радослава не была исключением, выбрав самое спелое и красивое с отцовской старой яблони. Яблоки она давала сладкие и хрустящие – просто объедение!

Дракона они увидели издалека, затем, присмотревшись, обнаружили и магика, прилетевшего на нем. Он с приятной улыбкой показывал детишкам какие-то фокусы с помощью своей железной перчатки. Радка ревниво заметила, как Янка машинально сжала и разжала свою ладошку, словно уже прикидывала, каково будет носить такую тяжесть.

Конечно, если женщины не планировали много колдовать, они обходились широкими браслетами, представляющими собой сильно усеченную перчатку. Этого вполне хватало для хозяйки дома. На браслет цепляли порт-ключи и другие артефакты, о которых Радка только читала в сказках. Но если магесса собиралась учиться как следует, она, как и мужчины, носила тяжелую перчатку. И Радка была уверена, что уж Янка точно собирается стать великим магиком, а не просто покинуть село. Что до неё самой, то так далеко её мечты не заходили. Она просто хотела забраться на дракона, обхватить обеими руками талию магика, который увезет её в новый мир, и навсегда забыть о селе. И еще бусы.

У колодцев собралась почти вся ребятня соседних сел, на специально установленных тут же лавках сидели старики и старухи, молоденькие парни и девушки, которых отпустили ненадолго перед сбором урожая, тоже вертели здесь же, не столько глаза на дракона или фокусы магика, сколько шушукаясь между собой. Не так часто находился повод встретиться с ровесниками из соседних селений, как не использовать такой случай?

У Радки взмокли ладони, и она испуганно пощупала яблоко – на месте ли? Перед колодцем уже стоял какой-то мальчишка чуть младше их с Янкой. Незнакомый, не из их села. Больше претендентов не было.

Шепотки и возгласы стихли, когда мальчишка протянул руку над колодцем, разжал ладонь и отпустил яблоко. Такие в садах Радкиного отца не росли – чуть сплюсненные сверху и снизу, светло-желтые, почти белые.

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом те, что стояли поближе, захлопали в ладоши, засвистели и затопали ногами. Стало понятно, что яблоко пошло ко дну. Мальчик изо всех сил сдерживал свою радость, пытаясь казаться таким же важным, как прибывший на драконе магик, но даже с такого расстояния Радка видела, как расплывается его конопатое лицо в щербатой улыбке. И вот такой редкозубый и пегий как дроздовое яйцо будет магиком! Что за чепуха!

Радка из-за разглядывания незнакомого мальчишки чуть было не пропустила момент, когда к колодцу пошла Янка.

2 глава

Радка не гордилась своими мыслями, но в этот момент она скрестила пальцы и шептала себе под нос: «Пусть не утонет, пусть не утонет!»

Шансов на это не было никаких, она и сама это прекрасно понимала. Но что ей оставалось кроме мечтаний? И, конечно, снова захлопали люди, заулюлюкали взрослые парни, и со своей приятной улыбкой драконий всадник протянул Янке руку, переводя на ту сторону от колодцев, где лежал дракон. Вот ведь, щербатому сопляку-то небось не улыбался так! И Радке не будет улыбаться, это уж точно. Да только ей плевать на улыбки какого-то дурацкого магика, у которого только умений и хватило, чтобы раскатывать по селеньям, собирая найденных.

Конечно, Радослава ничего не знала о жизни в городах магиков, но сердечко подсказывало, что наверняка есть масса более интересных и стоящих дел, чем смотреть на малограмотных и грязных селян.

Зависть и злость не давали Раде посмотреть на свое родное село иначе как на сборище скучных обывателей, неряшливых и грубых. Она не видела прекрасных яблоневых садов, которые растекались по окрестным долинам, насколько можно было увидеть, не замечала тепла звездных ночей и терпеть не могла купаться в прозрачных мелких речушках, которые протекали через сады, питая их и даря прохладу людям. Всё это она хотела поскорее оставить позади. Если бы только можно было без магии пробраться на дракона и улететь в город! Она согласна была стать посудомойкой или уборщицей – это ведь тоже кто-то должен делать, не так ли? Но никто, ни один магик не удосужился ей этого предложить.

Место у колодцев освободилось, и Радка поняла, что отсрочки больше не будет – она следующая. Медленно, запоминая каждый свой шаг и мечтая, чтобы все отвлеклись на счастливую Янку, Рада подошла к колодцу. Заглянула в него. Из колодца повеяло холодом и свежестью воды. От такой ломит зубы и в желудке становится тяжело, словно проглотил кусок льда. Но пить воду из магического колодца никому и в голову не придет – лучше сразу броситься в пасть дракону, больше шансов остаться живой.

Радка вытерла потные ладони о мягкое застиранное платье и вытащила яблоко. Сладкое и хрусткое, с мелкими красными крапинками на боку, его можно было прямо сейчас надкусить и рассмеяться. Мол, пошутила. Не собиралась даже бросать, зря ждете! Рука девочки дрогнула, так соблазнительно прозвучала в голове эта спасительная мысль.

Но если искорку магии она в себе так и не нашла до сих пор, то упрямства имелось с избытком. Сжав зубы так, что челюсти заболели, и опустив голову, чтобы не видеть никого вокруг, она с размаху бросила своей теплое от рук яблоко в холодную воду. Яблоко с плеском ушло под воду, и сердце Радки кольнуло надеждой. Напрасной, ведь через мгновение блестящий от воды круглый плод закачался на поверхности, словно дразня девочку.

Радка ошибалась. Драконий всадник улыбнулся ей, только это была совсем другая улыбка. Полная ненавистной жалости и понимания неизбежности. Он даже руками развел, мол, я тут не при чем, таковы правила. И Радка отвернулась – жалость магика ей была не нужна. Она пожалела об этом, когда, свесившись по пояс в холодный колодец, пыталась поймать верткое яблоко, тогда как вокруг с злым весельем все зеваки, от самых маленьких паршивцев до престарелых иссохших пней скандировали:

«Ешь, ешь, ешь!» – сейчас ей не помешала бы даже жалостливая улыбка магика. Но смотреть в его сторону она не хотела. Рядом с всадником всё еще стояла Янка, и уж жалости в её глазах Радка бы не потерпела.

Скользкое яблоко наконец далось ей в руки, и девочка выдохнула в глубину, едва потревожив вновь успокоившееся зеркало темной воды колодца. Оставалось самое сложное. Есть нужно было при всех.

Она выпрямилась, продолжая смотреть вниз, и высоко подняла руку с яблоком, показывая его всем желающим.

Толпа словно взбесилась от этого жеста. Свист и топот, крики «ешь!» оглушили девочку, но она устояла, не побежала прочь, как, без сомнения, ждали селяне. О, они остановили бы её и вернули к колодезю. Радка так хорошо представляла себя на их месте, что легко поняла, чем она досадит всем особенно сильно.

И, так по-прежнему не посмотрев ни на кого, она откусила от яблока. И замерла, не в силах начать жевать. Как любая девочка тринадцати лет она ела множество горьких вещей. Отвратительные порошки от лихорадки, которые в каждое село присылали магики, лекарственные отвары матери, лебеда... И даже гадкий жук, которого глупый, но сильный Павлыш как-то сунул ей в рот и держал, пока она не прожевала – всё это не было даже в половину таким горьким, как это яблоко. Оно вроде бы было на языке, но горьким было как зависть Радки, как её пустые надежды и как точное знание, что мать её не любит. Прожевать даже один кусочек было совершенно невозможно.

«Ешь, ешь, ешь!» – замершая было толпа снова начала скандировать, и Радослава поняла, что уйдет отсюда только когда съест это яблоко до огрызка. До самого последнего кусочка.

Она жевала и жевала, мечтая, чтобы от горечи вкус наконец перестал чувствоваться – с жуком тогда так и вышло. Она разжевала его, стараясь не замечать еще шевелящихся острых лапок или хруста хитиновых жестких надкрыльев, и пусть слюна еще долго оставалась едкой и горькой, вкус она перестала чувствовать еще до того, как Павлыш ослабил хватку. А потом она оттащила его за космы и сломала нос. Мысль об этом грела её до сих пор. Но не помогала больше. Горечь яблока оставалась прежней, и язык уже распух и едва шевелился, а она откусывала снова и снова, не понимая, почему такое небольшое яблоко никак не заканчивается.

«Вот заболит живот, и я умру, – обещала она себе, не чувствуя, как по щекам текут слезы. – Прямо сейчас упаду бездыханной. И всё кончится. Умру просто назло всем».

Не вышло. Не умерла. Радке вообще редко везло, вот и тут пришлось доесть до конца яблоко, хотя проще было выпить весь колодез или утопиться в нем. В следующем году, если яблоко снова не утонет, она лучше попробует сама прыгнуть в этот колодез, чем снова терпеть такие муки.

Кажется, к ней подбежала Янка, что-то говорила – Радка не понимала ни слова, совала в руки свои бусы. Конечно, у неё теперь будут настоящие украшения, не самодельные, чего бы не отдать старье. Но всё равно взяла, разумеется. У неё-то ничего такого не будет. По крайней мере, до следующего урожая яблок точно.

Оказавшаяся, в чем никто не сомневался, магессой умница и красавица Янка укатила верхом на драконе вместе с рябым мальчишкой из соседнего села. Больше в тот день никто яблок не кидал, и всадник, дождавшись, когда два найденных соберут вещи, усадил их на спину своего огромного зверя, и улетел. Радка провожать не вышла, продолжая лелеять свою обиду на безжалостную судьбу и наблюдая за взлетом дракона из-за густых кустов крыжовника.

«Век бы тебя не видать», – прошептала вслед подружке девочка, и слезы снова текли у неё по лицу.

Зима далась ей тяжело. Рядом не было веселой и всеми любимой Янки, и Радка окончательно поняла, как далека она от других девчонок и мальчишек села.

И пусть она не хуже прочих умела сушить яблоки или варить варенье, из её рук никто не стал бы брать угощение.

«Горько, ох, горько!» – дразнились мальчишки, бросая в снег принесенные ею на гадания моченые яблоки, и она не могла ничего возразить. Ей самой было страшно теперь есть что-то из собственного сада – так и чудилось, что следующее яблоко окажется горьким, как то самое.

Но гадания на урожай были для всех детей от самых маленьких до заневестившихся парней и девушек, и только благодаря им Радка не чувствовала себя изгоем в родном селе.

А потом её позор забылся или, точнее сказать, волшебным образом превратился в достоинство. Ребятишки поменьше то и дело просили рассказать, правда ли яблоко было настолько горьким, как говорили старики, и не врала ли она о том, что драконий всадник ей улыбнулся?

Сейчас, когда Янки не было рядом, Рада иначе представляла всё, что произошло у колодецев, и с удовольствием делилась своей историей раз за разом, наслаждаясь крохами внимания и славы.

Так было до самой весны, а когда расцвели яблони, небо снова потемнело от драконов. И надо было такому случиться, что один из них опустился у села Радки, принеся с собой Янку! Словно мало было того, что она испортила жизнь подруге, она еще и вернулась!

Янка выглядела немного похудевшей – будто Радке и так её приезда было мало! – и уставшей. Но её улыбка ничуть не изменилась, а тяжелая железная перчатка на руке давала знать каждому, что она решила учиться и учиться как следует. Вот как тут не умирать от зависти, а? И Радослава умирала – каждую минуту в обществе подруги, содрогаясь в муках безнадежности.

Даже то, что Янка привезла гостинцы не только родителям, но и ей, только ухудшало дело. Грызая орехи в настоящем шоколаде, которых подруга привезла много – всем знакомым детям хватило по горсти, Радка невыносимо страдала, представляя, какие невероятные сладости есть у найденной магессы в городе. А украшения? Сережки и колечко с ярко-голубыми кусочками бирюзы привлекали внимание каждый раз, когда она всё-таки поднимала взгляд на подругу. И то, что ей в подарок тоже та привезла колечко, совсем ничего не значило.

– Я тебя ненавижу просто, – решила она на правду, когда остальные ребята разбрелись по домам, а они обе остались во дворе Янкиных родителей. На радостях мать городской гостьи завела пироги, и домой Янке идти пока не стоило. А Рада... пока не начался сезон в поле, её могли не хватиться до глубокой ночи. Не иначе, как родители надеялись, что она однажды не вернется до утра и поспешно выскочит замуж. И дела им никакого не было до того, какие мечты на самом деле жили в патлатой голове их дочери.

– Глупости, – засмеялась Янка, крепко прижимая к себе насупившуюся подругу. – Ты меня любишь. И я тебя люблю. И никогда не забуду. Ты мне веришь?

Больше всего Радке хотелось вырваться из теплых объятий счастливой подруги, но её больше никто так не обнимал, и сил возражать не хватило. Пусть глупая и красивая Янка думает что хочет. Только Рада вырвется из села и попадет в город, так никогда не вспомнит больше о ней или о односельчанах. А сейчас... может, с Янкиной дружбой и объятиями ей перепадет немного магии? Ей хватит и искорки – только чтобы яблоко не утонуло. Больше ей ничего не нужно.

Но Янка не умела или не хотела делиться, и спустя несколько месяцев Радка убедилась в этом, когда снова держала в руке мокрое от колодезной воды яблоко.

– Хватит позорить мать! – ругалась её родительница, в этот раз пришедшая к колодцу вместе с другими зеваками. – И в кого такая бестолочь уродилась, что с одного раза не поняла?

Радка хотела огрызнуться, что это мать позорит их обеих своими пронзительными криками, похожими на воронье карканье, но не могла. Слишком горько было во рту, эта горечь, казалось, отравляет ей кровь, медленно и верно разъедает глотку и желудок. Самое ужасное, что в этот раз Рада уже точно знала, что все это ей только кажется. Она не умрет, и муки не закончатся так легко. Только горечь во рту не даст насладиться сладостями, привезенными вновь приехавшей Янкой, и она будет придавать отвратительный вкус еде и питью до самого снега.

А вот смех и крики и «Ешь, ешь!» её больше не трогали. Это пройдет. Всё пройдет, кроме её надежды стать магиком и покинуть дом и эти ненавистные яблоневые сады.

Через год мать к колодцам не пошла. Еще через год она попыталась не пустить и Раду, но та сбежала через окно. Она давно перестала пытаться нарядиться для ритуала у колодцев. Еще прошлой зимой подаренная Янкой лента истрепалась так, что её невозможно стало носить. И пусть подруга приезжала дважды в год, отчего её родителям завидовали теперь все в их маленьком селе, а у Радки не переводились новые ленты, она упрямо заплетала в день прилета драконов ту самую старую. Словно однажды она должна была сработать и стать счастливой. Но чем дальше, тем меньше Рада надеялась, что узнает хоть когда-нибудь, что такое счастье. Это не мешало ей каждый раз ждать драконов и идти к колодцу. Давно перестали смеяться односельчане, как старой знакомой ей кивал всадник, и только Янка каждый раз сжимала свободной рукой свою железную перчатку, с отчаянием следя за бесцельными попытками подруги.

Однажды Янка привезла ей в подарок самое настоящее зеркальце. Теперь можно было разглядывать себя в любое время, а не бегать к реке и надеяться на ясное небо. Но радости этот подарок не принес. Не иначе, как Янка нарочно делала подарки, которые лишь напоминали подруге о том, как она нехороша. Все эти яркие ленты глупо смотрелись в её жестких неаккуратно стриженных волосах, колечко с искристым коричневым камешком привлекало внимание к обкусанным коротким ногтям, ну, а зеркальце...

Радка вздохнула, очередной раз придиричиво оглядев свое некрасивое длинное лицо. Выпуклые глаза непонятного цвета, короткие ресницы. Ладно хоть кожа была чистая, хоть и слишком бледная. Будто Радка болеет чем-то.

«Это желчь изливается, – ехидно заметил её внутренний голос. – Меньше завидовать надо было».

Только меньше никак не получалось. Она сглотнула горькую слюну – после четвертого похода к колодцу вкус яблок не пропал даже к зиме. Ладно бы Рада после отъезда подруги сошлась с кем-то из ровесниц, кто подурнее и поглупее. Но её злой язык и отвратительный характер сделали свое дело, и подруг завести не получалось. Да и Янка приезжала дважды в год, как тут её забудешь?

«Одно хорошо, – наконец решила Радка, пряча зеркальце подальше, чтобы не доставать еще несколько лет. – Зато замуж рано не выдадут. У меня еще несколько лет в запасе будет».

Но она снова ошиблась. В который уже раз.

3 глава

Конечно, Янка вышла замуж раньше подруги. Красивая и свежая как колокольчик, она и жениха нашла среди магиков, истинных магиков. Не найденных, а тех, чья семья жила в городе с самого начала. Имя его, правда, было не вычурным, как у многих истинных, но не иначе как у его матери были свои причины на это. Кто поймет магиков?

По традиции на обручение они прилетели в родные для Янки сады, когда цвели яблони. Это Радка понимала – как можно отказаться от возможности похвастаться красивым и белым как яблоневого цвет платьем, изящным блестящим колечком и женихом, который сам управляет драконом? Впервые на памяти девушки у колодца опустилось два дракона, а не один.

Янкины родители пыжились от гордости за дочку, а Радка не могла радоваться даже новенькому платью, которое привезли драконы для неё как подружки невесты.

– Дорогая, девушке платье жмет в груди, давай поправлю, – и Радка не знала, радоваться ли ей вниманию или злиться – заносчивый Скарбимеж скользнул по ней взглядом как по корове, которую шуточки ради запрягли в телегу. Он уже поднял было руку, но Янка несильно шлепнула его по пальцам.

– Иди давай к Седому, бесстыдник! Девочки сами разберутся!

Скарбимеж с ухмылкой поклонился и впрямь убрался к дракону, на котором прилетели они с Янкой, а та провела перчаткой над платьем, и Радка вместе с вновь нахлынувшей завистью почувствовала, как ей становится легче дышать, да и шагнуть в платье она теперь могла, не боясь, что оно треснет.

– Прости, я примерно помнила, что мы одной комплекции, ты только повыше, – щебетала Янка, исправляя платье. – А у тебя за зиму всё так округлилось в нужных местах, я прямо завидую!

Радка замерла – шутивное признание подруги застало её врасплох. Ей тоже можно завидовать? И из-за чего, из-за налитых как крупные садовые плоды груди и широких бедер? Интересно, а Янка хотя бы представляет, как потеет под грудью летом, когда в любую жару нужно обрезать и поливать яблони, как неудобно стало ей бегать и плавать, и как больно щипаются сельские парни вроде растолстевшего гадкого Павлыша?

Всё это Радка вслух говорить не стала. Она вообще предпочитала не обсуждать с подругой свою жизнь здесь, когда можно обсудить Янкину там. К сожалению, та словно не понимала этого, и рассказывала мало. Радка даже не знала, как и где подруга познакомилась с красивым и богатым Скарбимежем, и только наивное высказывание, что магии все так хороши, расставило всё по местам.

– Что ты! – засмеялась Янка, хорошея от этого еще больше. И как ей это удастся? – Магии такие же люди, как и вы. И толстых уродов среди них немало. Женщины разве что более ухоженные и одежды... сама видишь какие.

Радка видела. А еще её больно кольнуло Янкино «как и вы». Найденная магесса уже совсем не считала себя одной из них, и пусть сама Радослава и вовсе забыла бы всю прежнюю жизнь, едва выбралась бы за пределы бескрайних садов, но от подруги это слышать было неприятно.

А потом была свадьба в яблоневом цвету в присутствии двух невероятных драконов. Они извергли пламя после принесения Янкой и Скарбимежем клятв. Жених снял с руки невесты перчатку и вместо неё надел увитый драгоценными камнями браслет. Значило ли это, что она ради семьи бросает учиться магии – селяне этого не знали и не желали знать. В своем белоснежном воздушном платье с этим браслетом и кольцом на руке Янка была похожа на сказочную фею, а не на девушку из яблоневых садов. И если Рада и впрямь не ненавидела подругу до сих пор, то сейчас она почувствовала, как ненависть переполняет её так, что пришлось больно

прикусить мясистую часть ладони, чтобы не разреветься от отчаяния. Она никогда раньше не видела как драконы выдыхают пламя и не чувствовала в воздухе так много волшебства, как в этот день.

И Радка подставляла ладони под слетающие от жара лепестки яблонь, под эту магию, почему-то твердо веря, что с ними искорка магии попадет и в неё. И ей хватит этой искорки. Самой крошечной. А когда драконы прилетят снова, она будет готова.

Как оказалось, её родители были другого мнения. Едва стихли весенние свадьбы, как они поставили условие. Радослава должна была выйти замуж за их соседа, нелюдимого Хенрыка. Как и все в селе, он знал о «придури» предполагаемой невесты, но считал, что сумеет занять всё её время. Да и родители убеждали его, что, став хозяйкой своего дома, Рада перестанет мечтать о магии, а работающие руки у неё есть. И аппетитные формы, куда без них.

Радослава прекрасно понимала, что проклятый сосед клюнул в основном на них. Уж какой-какой, а наивной она не была, пусть весь её разум и пропал, стоило ей подумать о магии. В остальном же она соображала быстро. Вот и сейчас, слезами и проклятиями она выбила себе отсрочку, требуя отложить свадьбу до прилета драконов, чтобы пригласить на неё Янку. Конечно, сначала она пыталась протянуть время до следующей весны. Но родительница заявила, что никакие цветущие сады не сделают её лицо красивее, и кожу свежее. Как ни горько это было слышать от родной матери, возразить Радке было нечего.

Оставшиеся до свадьбы месяцы Радка молчала дома, вечерами тайком бегая к колодцам и пытаясь выдумать фокус, позволивший бы ей освободиться и выбраться к магикам. Янка понятия не имела, но Рада уже пыталась привлечь внимание всадника, хоть стыд и жег её нутро не меньше, чем сок горьких яблок. Этот человек видел её нескладным подростком, впервые пробуящим неутонувшее яблоко, на его глазах она росла – стоило совсем отчаяться, чтобы попытаться, и Радка была именно такой. Совсем отчаявшаяся.

Словно понимая, что она чувствует, всадник был безжалостен. Он жестко отказал ей, будто чувствовал, что жалость её попросту уничтожит.

Теперь же, когда план в голове Рады полностью оформился, ей оставалось только ждать.

– Радка, если ты не хочешь за него замуж, то не выходи! – растерянная Янка определенно не знала, что делать. Похоже, что не очень удивилась тому, что подруга так ждала её приезда и сразу же пригласила на девичник. Как бы она ни любила подругу, следовало признать, что склочный и завистливый характер Радки был широко известен, и куда более удивительным было то, что кроме Янки там оказались еще две девушки.

Впрочем, этот секрет недолго оставался таковым: одна из «подружек» невесты шеголяла роскошным по меркам села кольцом от популярного, видимо, тут парня – Янка в этом теперь не очень разбиралась. Вторая же была настолько несуразно одета и от этого еще более безобразна, что в ней Янка заподозрила всеобщую подружку – для оттенения внешности любой невесты.

И вот когда наконец обе «подружки» исчезли, Янка осталась вдвоем с Радой, которая уже откровенно рыдала, размазывая слезы по своему некрасивому длинному лицу и оплакивая свою судьбу.

Янка покривила бы душой, если бы сказала, что не понимает подругу: она видела Хенрыка, его жадные бегающие глазки, похотливо оглядывающую ее, – Скарбимеж пообещал, что проклянет этого типа, если тот подойдет к его жене хотя бы на расстояние вытянутой руки. Конечно, Хенрык и не стал бы – она была магессой в настоящем шелковом платье с настоящими украшениями, а у колодцев её дожидался её Скарбош и дракон. А что дракон Седой взят на время то ли у родственников, то ли у друзей, Янка по секрету сказала только Радке. Да и то лишь чтобы не множить страдания завистливой подруги.

И без того, по сравнению с красивым и безумно влюбленным Скарбимежем, к тому же магиком, зажиточный селянин со внушительными габаритами и не менее раздутым самомне-

нием был просто насмешкой судьбы. И это не могла не понимать Янка, поэтому сейчас просто растерянно смотрела на подругу, не зная, чем ей помочь.

– Да-а... – проскулила Радка, с распухшим носом и заплаканными глазами выглядывшая совсем дурнушкой. Вообще Янка в глубине души считала подругу даже хорошенькой, но постоянно недовольное лицо делало ее некрасивой, а ужасный характер завершал неблагоприятное впечатление. – Тебе легко говори-ить, ты-то вышла замуж за красавчика, сама красавица и магесса, да еще и родительская любимица...

Она снова расплакалась, да так горько, что сердце Янка заныло. Рада не знала, что Янка мучается каждый раз, когда видит подругу у колодцев, вылавливающую очередное яблоко. Что она чувствует горький привкус на губах, словно сама испробовала поражения, которое раз за разом доставалось не ей. Но Янка молчала об этом, чтобы не дразнить лишний раз и без того обессиленную неудачами Радославу.

– Я могу тебе чем-то помочь, Рад? – мягко спросила она наконец, полагая, что сейчас в ответ услышит очередную порцию упреков, а потом подружка успокоится и после свадьбы они с ней расстанутся, чтобы видеться как можно реже. Видит мировая яблоня, она старается как может. Но тяжело во всём потакать подруге, когда по-настоящему утешить её нечем.

– Да, – Радка неожиданно перестала рыдать и села ровнее, глубоко вдохнув и выдохнув, чтобы успокоиться. – Янка, подари мне на свадьбу особенный подарок – проведи в магический город.

Янка дернулась от неожиданности. Конечно, Радка и без того каждый раз упрашивала хоть глазочком поглядеть на город, даже просила родителей Янки, которые вовсе к дочери не собирались. Но правила существовали неспроста. Лишенным магических способностей было тяжело в таком месте, и даже опекуны юных найденных магиков и магесс старались лишний раз не покидать домов.

Конечно, когда Янка сама гуляла по городу, она не видела ничего ужасного, на центральных улицах колдовали редко. Но мало ли что случится с её подругой, как она посмотрит в глаза её родителям? А её толстому уродливому мужу?

Вспомнив о будущем муже подруги, Янка уже было подумала, что Радка хочет напоследок увидеть что-то красивое, а потом готова даже погибнуть в магическом городе. И трудно было её винить.

– Зачем тебе, Радк? – тем не менее тихо спросила Янка.

– Я просто погуляю там, если ты мне дашь немного магических денег, куплю себе сластей, посмотрю на диковины... Я верну нашими деньгами, я откладывала с каждой поездки на ярмарку, – торопливо добавила она, чувствуя, что магесса готова согласиться.

– Не нужно, – Янка кивнула своим мыслям. Может, подруга и впрямь хочет просто погулять? К тому же, её можно обезопасить, дать одно из тех платьев, что Янка таскала везде с собой, да браслет с порталом. Скарбош в таком ужасе от мерзкого толстяка, что наверняка пойдет на крошечный подлог и «поверит», что она потеряла запасной браслет. К тому же он тяжеловат и трет запястье, а Радке лишь на один раз... – Скарбошек богат и не пожалеет денег для моей подруги, я думаю. Я проведу тебя.

– Спасибо, дорогая, – Радка прижала Янку к себе, радуясь, что та не заметила, как она скривилась при упоминании богатства Скарбимежа. Будто мало того, что он красавчик, магик и влюблен до кончиков ногтей! – Спасибо тебе, Янка.

Кажется, ей наконец улыбнулась удача, и Радка не будет Радкой, если не использует свой единственный шанс полностью, до последнего глоточка. А как именно – Янка знать не будет, а значит, не будет и ей вреда.

4 глава

Медового месяца у молодой четы не было – Хенрык, считал это напрасным расточительством и тратой времени. Потому уже через пару дней Радка была готова якобы поехать на ярмарку для получения своего подарка. Радка отчаянно трусила, представляя, как откроется истинная, не известная Янке, суть «подарка», или что её отринет город, едва она перенесется туда с порталом. Может, портал не подействует на неё и выкинет... да хоть даже в колодец!

На самом деле, Радка не ненавидела Янку, хоть сама и считала иначе. Сложно ровно относиться к подруге, которая состоит из одних достоинств! Словно они с Радкой родились под одной яблоней, но пока на одну сыпались спелые плоды, второй достались лишь сухие листики! Радка хотела получить всё то же самое, что так легко доставалось подруге. Разве это так уж плохо? Но теперь, повзрослев, она, мечтая о журавле в небе, не забывала и о синице. И пусть Хенрык не был особо красив или умен, но это магессы могли рыться в мужчинах как в соре, обычной женщине выбирать не приходилось, если она не хотела, чтобы даже такого жениха увели ушлые подруги. Так что при зрелом размышлении она смирилась с этим. Жить в родительском доме и впрямь становилось невыносимо, а Хенрык был скуп, но не беден. Куда богаче её семьи. Может, и не зря болтали старухи.

Для Рады стало настоящим открытием, что магики не привязаны к полетам на драконах. Она-то ждала урожая и очередного ритуала, чтобы увидеть подругу, а оказалось, что магики легко перемещались с помощью зачарованных браслетов. Стоило задуматься, так ли скучала по родителям Янка, раз никто до сих пор не прознал, что она могла бывать в селе куда чаще двух раз в год. Но об этом Радка пообещала себе подумать потом. Если ничего не полу... Нет, и об этом она тоже думать не станет. Ни за что! У неё всё получится.

Янка ждала её в условленном месте, как они и договаривались, и портал перетащил Радку так легко и быстро, что, даже испугаться не успела. Наряженная в новенькое не домотканое, а из мастерской платье, которое оставила ей подруга, раздумываясь в радостном возбуждении Радка выглядела хорошенькой, о чем Янка не преминула ей сказать. Она же без каких-либо просьб со стороны подруги с помощью магии поправила ей прическу, добавив парочку штрихов, одним движением перчатки завивая выбившиеся из неё локоны. А потом, не зная, что еще сказать, неловко сунула ей кошелек с монетами и показала, где торговая площадь с лавками и кондитерскими.

– Спасибо, Янка, – рассеянно ответила Радка, оглядываясь с горящими от восторга глазами. – А теперь оставь меня. Обрато с этим же порталом выбраться я сумею.

– Но... – начала Янка, собираясь напомнить подруге, что в магическом мире небезопасно.

– Оставь меня, – повторила Радка. – Со мной ничего плохого не случится. Иногда мне кажется, что все плохое уже случилось, – с излишней откровенностью добавила она, и Янка заалелась, некстати вспомнив о старом толстом муже подруги. Эти мысли заставили ее окончательно смутиться и наконец оставить Радку одну.

Радослава терпеливо дождалась, когда постоянно оглядывающаяся подруга наконец свернет за угол, и лишь после этого двинулась в сторону торговой площади.

Конечно же Радка лгала, когда убеждала Янку, что хочет просто полакомиться сладостями и погулять. У нее были совсем другие планы. Тот самый шанс, который никак нельзя упустить.

Сначала Радка и в самом деле прошла по магической улице, полюбовалась на чудеса, такие обычные для города. Но вскоре она вернулась на торговую площадь, где набрела на кофейню. От кофейни шел такой одуряющий аромат, что становилось ясно – любой, кто может позволить себе во время покупок выпить пару чашечек, непременно сюда зайдет. Напитки

стоили просто баснословно – Радка машинально перевела ценник меню в привычные деньги, и впервые порадовалась, что муж подружки такой щедрый – сама бы она удавилось и ради одной чашечки кофе, а их могло понадобиться куда больше.

Разумеется, она много тренировалась дома – задолго до того, как уговорила подругу и, конечно, еще до того, как вышла за Хенрыка, но рассчитывать на моментальную удачу было глупо. И впрямь – понадобилось нечаянно толкнуть три чашки с темным горячим напитком – одну проходящий магик поймал каким-то заклинанием, другая чашка пролилась чуть позже, чем нужно, а третий магик ее выругал и удалил пятно с брюк до того, как она успела броситься с салфеткой, но вот с четвертой все прошло как нужно.

Горячий густой напиток случайно – совершенно случайно! – задетый ее локтем, пролился на светловолосого магика. Тот не успел отшатнуться, и Радка с извинениями бросилась вытирать пятно. Глядя, как напиток впитывается в приятную на ощупь и на вид – да, Радка, это твой счастливый шанс! – ткань, она ждала резкого окрика. Мол, стоит воспользоваться заклинанием, если брюки вообще можно очистить – об этом ей возмущенно твердил тот, третий. Но этот магик молчал, позволяя ей и дальше возить грязной салфеткой по своему бедру.

– Простите, – наконец пролепетала она, поднимая глаза выше и немея от восхищения – этот магик был не хуже Янкиного Скарбимежа, а может, и получше – у Скарбимежа она никогда не видела таких дорогих колец и такого взгляда, от которого хотелось ослабить пояс. Это еще Радка вовремя вспомнила, что она в не в своей обычной одежде, а в настоящем платье с пуговицами и застежками. Сейчас оно показалось немного лишним.

Похоже, ее румянец понравился магику, потому что оценивающий взгляд немного потеплел, и он сел напротив, представляясь:

– Манфред. Я прощу вас, если вы выпьете со мной кофе, раз ваш все равно безвременно вас покинул, госпожа?..

– Р... – Радка совсем не привыкла, чтобы её называли госпожой, и поэтому едва не опростоволосилась. По её простому имени сразу станет ясно, что она из селян. Изображать же из себя местную магессу было не с руки. Может, и хорошо, что она много читала и впитывала в себя все слухи. – Цветка.

– Цветка? – нахмурился Манфред, постукивая металлической перчаткой по столу. Делал он это совершенно машинально, но перед ними тотчас появились чашечки с напитком и даже блюдечко с крошечными пирожными. Радка достаточно долго разглядывала их на прилавке, чтобы знать, что они буквально на вес золота. Похоже, этот магик был не из простых. Ей едва не стало дурно от мысли, что она может его упустить. – Какое странное имя.

– А я не из этих мест, – Радка была готова к такому повороту. – Я из цветочных.

Конечно, она рисковала. Жители соседнего континента носили разные имена цветов, но и более привычные слуху «яблочных» тоже встречались. Дело было даже не в имени. Скорее в риске, что этот Манфред знает цветочников не понаслышке.

Хотя отношения с цветочными последние десятилетия были ровными. Магики редко пересекали море, чтобы что-то узнать о соседях, что уж говорить о селянах, которые обходились слухами. Но мало ли что...

– Цветочная? – глаза Манфреда загорелись. Кажется, в этот раз Радку пронесло. – Никогда лично не был знаком с цветочными магами, а уж тем более с магессами. Говорят, у вас там совсем другие нравы, это правда?

– Всё так, – Радка попыталась кокетливо улыбнуться, но вовремя вспомнила о том, как глупо выглядит её улыбка, сколько бы она не тренировала её перед зеркальцем, и прикрыла рот рукой. Еще никогда в жизни такой приятный мужчина не гладил ее рукой по коленке – было от чего потерять голову!

– Вы там свободны в выражении чувств, как я слышал, – почти промурлыкал магик, окидывая Радку таким взглядом, что она моментально пожалела, что поторопилась выйти замуж за Хенрыка – такая женщина, как она, могла найти себе получше.

– Верно, Манфред, – решила она и добавила, накручивая выбившийся из прически светлый локон на палец. – Мы обычно быстро переходим на «ты».

Упираясь руками в стену в ближайшем проулке, с задранной на голову широкой юбкой, Радка удивлялась лишь тому, что кофе они все-таки действительно выпили. Похоже, кем бы ни был этот Манфред, слово он держать умел. И вообще, на неопытный взгляд Радки, он довольно много всего умел. По крайней мере, раньше ей не приходилось вот так изнывать от желания, несмотря на откровенно неподходящее для этого место. Мягкий живот Хенрыка, его морщины и борода вызвали у неё только одно желание – поскорее закончить с этим, и она понятия не имела, что можно чувствовать такое... ну, такое.

Левая рука в металлической перчатке упиралась в стену чуть повыше ее собственной, и Радка успела изучить ее как следует.

– Ты... женат? – выдохнула она между толчками.

– Да, – Манфред ни на мгновение не замедлился. – Это проблема?

– Нет, – ответила Радка быстрее, чем успела обдумать.

– Хорошо, – лаконично ответил тот, стараясь не тратить силы на разговор.

Когда через несколько минут он застегивал брюки, Радка неловко поправляла платье, с тоской думая, что сейчас этот красивый, богатый и, что и говорить, интересный чужой мужчина уйдет и ей останется лишь воспоминание.

«Шанс только один», – напомнила она себе и заметила словно между делом:

– Так вот как занимаются этим яблочники. Нет, у нас всё куда искуснее. Фантазии больше, – она прицелкнула пальцами. – Гибкости.

Она отчаянно блефовала, за совсем недолгую семейную жизнь с Хенрыком она не видала даже того, что успел ей показать Манфред вот тут, уперев носом в стенку. Но в старой библиотеке, куда свозили всякий бумажный мусор, были и такие книги. Книжная надсмотрщица, самой большой гордостью которой была внучка из найденных, так ни разу после отъезда и не навестившая бабку, позволяла знающим грамоту девчонкам с малых лет брать эти книги. Она была уверена, что, в отличие от сборников сказок и легенд, эти хотя бы пригодятся им в жизни. В случае Радки она оказалась права.

Тогда Манфред так и не смог ей ответить по поводу фантазии «яблочников», он вообще не сразу нашелся, что ответить. Позже, когда Радка узнала его получше, она поняла, что подобное с ним происходит нечасто. Впрочем, ей порой удавалось его удивить, хотя Манфред понятия не имел, чего ей это стоило.

Что до везения Радки, то ей достаточно было угадать то, как цветочники называли жителей яблоневого сада, чтобы окончательно предстать в глазах Манфреда эксцентричной магессой из-за моря.

Но окончательно она поняла, что вытаскала свой счастливый билет лишь, когда магик прицепил к её браслету портал прямо в покои в мансарде над торговой площадью, где уже через несколько мгновений она без устали доказывала ему, что фантазия цветочников куда изысканнее местной. Если бы её видел Хенрык... нет, для него же было бы лучше, чтобы он её не видел.

– Лучше, если ты будешь появляться прямо здесь, – заметил Манфред словно между делом, отводя взгляд. Он уже снова был одет – просто магия какая-то! Ах да, именно магия... – Здесь всегда будут напитки, фрукты и сладости, и мы сможем пересекаться... примерно в полдень, раз в полдюжины дней.

– И здесь я точно не попадусь на глаза твоей жене, – понятиливо кивнула Радка. Злости не было. Конечно, хорошо было бы выйти за магика и хоть так попасть в магический мир. , Но билет сюда у неё уже был, а что до любовника – глупо было бы надеяться, что красивый и богатый достанется ей еще и без довеска. И кому – ей! Некрасивой сельской девчонке, всё богатство которой и было под платьем, да в голове.

Её спокойное упоминание законной супруги почему-то очень обрадовало Манфреда. По крайней мере, целовал он ей шею с такой страстью, что она побоялась, не останутся ли следы. Её муж был старым, а не слепым.

5 глава

Встречались они всегда только в этих комнатах, совсем не выходя на площадь. «Чтобы никто не донес твоей жене», – говорила Радка, и Манфред благодарно целовал ее пальчики, поражаясь уму и кротости любовницы. Она никогда не просила задержаться подольше, не пыталась его выследить и не накладывала на него чары – как будто знала, что у него есть артефакт против любовных чар. Или просто не считала нужным это делать, ценя возможность просто быть с ним.

Второй вариант льстил Манфреду невероятно, поэтому он предпочитал придерживаться этой версии.

Что же до Радки, то если бы соседи только знали, что за закрытыми ставнями своего дома некрасивая и скучная дурнушка, осуждающая даже громкий чих, судорожно перебирает засаленные картинки Хенрыка, выискивая что-нибудь такое, чем можно удивить Манфреда!

Похоже, супруга Манфреда в постели была не живее Радки с её Хенрыком, потому как «Цветке» удавалось удивлять любовника буквально в каждую встречу.

– Я люблю цветочные сады! – заявил как-то Манфред, пытаясь отдышаться после «скачек» – утомившаяся искать что-то новое в старых книгах и скабрёзных картинках, что заводились у её мужа после поездок на ярмарку, Радка вдохновилась сказкой про драконью всадницу. Сапоги из кожи с металлическими когтями и облегченный боевой шлем с перьями достать было непросто, но результат превзошел все ожидания – увидев Радку только в этих двух предметах, Манфред сам начал напоминать дракона. Глаза его блестели так, словно он собирался сожрать всадницу, никак не меньше.

– А меня? – Радка наклонилась над Манфредом, мазнув его по лицу грудью, которую тот немедленно поймал губами, вырвав у любовницы стон.

– И тебя, – Манфред обхватил её ладонями, прижимая к себе и целуя так, словно эти слова и впрямь что-то значили.

Радке приходилось быть очень осторожной, чтобы не проговориться ни о чем ни мужу, ни любовнику. Сложнее всего было скрывать от второго отсутствие магии. Незапланированные встречи всегда назначал Манфред, присылая моментальную почту на выдуманное имя, и Радка не уставала благодарить этот вид связи, позволяющий отправлять почту без адреса с неверным именем, да еще и получать её через мгновения после отправки. Это было даже быстрее, чем могли себе позволить обыватели из двух соседствующих сел. По счастью, она внимательно слушала Янку, которая любила рассказывать, что друзья ее мужа, ужасно глупые с точки зрения Радки, посылали друг другу письма на выдуманные прозвища. Янку послушать, так у Скарбошек был только один нормальный друг, который, правда, всеми силами избегал всеобщего веселья и общения с женой приятеля.

А еще Радка не уставала благодарить всех богов, что муж прекрасно был осведомлен о её дружбе с Янкой. Ему даже льстило, что его жена продолжает общаться с настоящей магессой. А что для этого она то и дело ездила куда-то для встреч с подругой – это мелочи. Главное, не ныла и не порывалась снова бежать к колодцу. Даже не упоминала об этом. Хенрык в глубине души опасался, что дурь не пройдет, как бы его не уверяли родители невесты, но теперь гордился собой, сумевшим достаточно увлечь девчонку в замужестве, чтобы она и думать забыла о своих глупостях и магии. Всем этим женщинам только и нужна хорошая встряска в постели, и они сразу выкидывают чепуху из головы!

Радка прекрасно знала о мнении мужа не понаслышке – его передавала старая немая ключница Хенрыка. Нельзя же думать, что такой богатый селянин, да еще, если судить по сплетням, потомок магиков, пусть даже и дальний, наверняка дальний, будет сам готовить себе обеды. А сидр? Старуха гнала самый хмельной яблочный сидр на всё село.

Конечно, сначала Радка опасалась, что старая ключница сдаст её со всеми отлучками хозяину. Она, конечно, немая, но жестами владела прекрасно – понятно было до словечка! Однако та отчего-то сразу прониклась добрыми чувствами к молодой хозяйке. Может, потому что Радка не торопилась ею командовать, больше занятая своими хитрыми планами, а может, потому что, как и все в селе, каждый год во время урожая наблюдала, как Радка умывается слезами, поедая очередное горькое яблоко.

Большинство в селе считало её чудаковатой гордячкой, но вот эта немая старуха разглядела в ней что-то, достаточное, чтобы предложить не дружбу, но кое-что куда более нужное Радке. Верность.

Так что Радка и дальше каждую неделю исчезала с помощью браслета, а ключница готовила снесь для её мужа и полные самых красноречивых жестов отговорки о том, где пропадает его молодая супруга.

Радка пила кофе, заедая его клубникой, и пялилась с балкона на прогуливающих по торговой площади магиков. Она понятия не имела, что ест именно клубнику – её не выращивали в её округе, привозили из садов с юга, а спрашивать она опасалась, и уж точно не догадывалась, что никто в окружении Манфреда никогда не додумался бы есть эти ягоды с кофе. Может, не только дело было в постели, но и такие мелочи тоже заставляли его оставаться с любовницей уже второй год? А что для этого нужно было снимать мансарду в таком недешевом месте – оно того стоило. Вот и сейчас он сидел рядом с обнаженной Радкой, надежно скрытый увивающими балкон растениями, и наблюдал за ней, пока она сама наблюдала за прохожими.

Радке же льстило и внимание, и то, что на неё у Манфреда находилось и время, и деньги. И совсем немаленькие, по меркам даже её небедного, но скупого мужа. Что да обнаженности – она давно поняла, что с фигурой ей повезло. Еще после слов Янки. Конечно, сначала она не поверила, ища подвох в её словах и скрытую издевку, но Хенрык повелся уж точно не на её склочный характер и злой язык. Другого приданого за ней не давали. Впрочем, работая с самого детства в садах, тяжело стать слишком толстой, да и на яблочной диете не слишком разгуляешься. Сладости же она попробовала только с Манфредом.

Неожиданно её внимание привлек магик, остановившийся около лотка с почтовыми порталами. Радка даже отложила клубничину и протерла глаза. Всё-таки, они были довольно высоко, может, её просто подводит зрение? Нет, это и впрямь был Скарбимеж, но не с Янкой, а с какой-то другой женщиной!

Неужели и он изменяет своей жене-красавице? Сначала Радка подумала это со злорадством. Она и сама без всяких угрызений совести краля своего любовника у его жены, но что кто-то поступает так же с Янкой, ей показалось справедливым. С другой стороны, неужели муж Янки обнаглел настолько, чтобы выгуливать любовницу по торговой площади? Это было слишком! Ведь и самой Радославе иногда хотелось пройтись с красивым магиком по улице, не стесняясь прохожих, но вместо этого ей приходилось довольствоваться этой мансардой и сладостями, словно какой-то... дешевке.

И пусть она надеялась, что однажды Манфред поймет, насколько её он любит больше, и падет к её ногам, как спелое яблоко, любовник не торопился стать этим яблоком.

Настроение у неё испортилось. Кофе стал казаться слишком горьким, а клубника кислой. Словно нельзя было выбрать ягоды поспелее!

Манфред почувствовал смену её настроения и тоже уставился на площадь.

– Что не так, Цветка? – спросил он тем самым тоном, который искусно совмещал заботу и нетерпение. Мол, если ты начнешь капризничать, я могу и кому-нибудь другому задавать такие вопросы.

– Кто это? – ткнула пальцем в Скарбимежа Радка и соврала. – Я как-то видела его на улице, он свистнул мне вслед. А сейчас он с женщиной.

Прозвучало не слишком умно, но Манфред подобных мелочей не замечал.

– Да ты настоящая роковая дева, Цветка, – усмехнулся он, найдя глазами магика, о котором говорила любовница. – Багряный принц Скарбошек кому попало свистеть не станет. У него обожаемая супруга на это есть. Может, ты её знаешь? Вот она, рядом. Роза. Тоже из цветочных.

– Ты так говоришь, словно цветочные сады – это какое-то село, где все между собой знакомы, – фыркнула Радка, сама холодея от нехорошего предчувствия. А как же Янка? Она давно не писала, перестала заходить в гости, да и Радка после того, как выклянчила подарок, не стремилась пообщаться с подругой, но если муж ушел к другой, не должен ли Манфред рассказать, что это вторая жена? И ничего ведь не спросишь, как она объяснит свое знакомство с Янкой?

Радка мучительно пыталась вспомнить, прилетала ли подруга последние два года на праздник цветения и день урожая. По всему выходило, что нет. Поговаривали, что она ждет наследника, а в положении не летают на драконах и избегают пользоваться порталами. Но если это так, то всё становилось еще страннее. Куда Скарбимеж дел жену и ребенка? Что с Янкой, жива ли она?

– Цветка, ты вся измазалась соком, – промурлыкал Манфред, касаясь её липких пальцев языком.

Радка отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на любовника. Пусть он улыбался, но глаза у него были холодные и скучающие. Что-что, а скучать Манфред с ней не должен был никогда.

– Еще не вся, – как можно игривее произнесла она, проводя забытой надкушенной клубничной по груди.

Про Янку, Скарбимежа и его новую жену она и думать забыла.

6 глава

Слишком частые письма магической мгновенной почты нервировали Хенрыка, но тут Радка перекладывала ответственность на подружку. Якобы та не могла никак устроиться в своей семейной жизни и просила помощи более покладистой и мудрой подруги. Оттого Хенрык только больше не выносил красивую Янку. Врать теперь же Радке приходилось с оглядкой. А ну как Хенрык проговорится родителям Янки об этих письмах, а они и знать не знают, что с ней и где она? Какие сложности снова, и всё из-за этой Янки, которая запропала в самый неподходящий момент!

– Манфред, а ты спишь со своей женой? – Радка давно хотела прощупать почву – они вместе больше года, а план так и стоял на месте. Конечно, магик оказался довольно щедрым любовником, но этого было мало. Радка хотела жить в магическом мире, хотела быть не хуже Янки, иметь просторный дом и приглашать туда других магов и магесс... Одним словом, пора было двигаться дальше.

– Разумеется, Цветка, – Манфред пожал плечами и протянул любовнице крупную клубнику. Намек был понят и, как можно эротичнее откусив маленький кусочек – в таком темпе у нее скоро будет аллергия и на фрукты, и на ягоды, – Радка опустила на колени, расстегивая пуговицы на брюках Манфреда. – Мне же... да, Цветка, да... мне... о... мне же нужен... о-о-а-ах... наследник.

Радка же смотрела снизу вверх на разгоряченного магика и воображала, какой удар хватил бы Хенрыка, если бы он ее сейчас увидел. А еще лучше, если бы удар хватил Еву, жену Манфреда, которую Радка никогда не видела, но надеялась, что она ужасная уродина. Тщетно, наверное. С такими надеждами ей никогда не везло, вряд ли повезет и сейчас.

Продолжить разговор Радка рискнула лишь после того, как они снова перешли к кофе.

– Вы ведь давно женаты, – заметила она вскользь. – Почему у вас нет детей? Может, проклял кто тебя или ее?

Кажется, она попала не в бровь, а в глаз. Манфред отставил чашку и уставился на неё так, словно за её спиной стояла пресловутая Ева.

– Я не думал об этом, – наконец признался он растерянно, и Радка закатила глаза – мужчины никогда не думают о подобных вещах. Хенрык такой же: им, наверное, придется прожить лет десять, прежде чем до него дойдет, что он уже староват и стоит спросить у лекаря, что делать – они уже больше двух лет вместе, а детей всё нет!

Впрочем, всерьез о проклятии Радка не думала – несмотря на рассказы Янки об опасности магического мира, для неё этот мир оставался красивой все еще недосыгаемой сказкой. Да и ее любовник до сих пор ни о каких опасностях не беспокоился.

Скорее всего, опасности были выдуманы специально для людей обычных, чтобы не лезли со своими грязными руками в магические города. А то если каждый захочет жить в доме со всеми удобствами, есть не пирог с яблоками на завтрак обед и ужин, а изысканные сласти, то кто будет в садах работать, на пастбищах растить скот, трудиться на полях? То-то и оно!

Радка к этой философии относилась ровно, кто-то всё равно должен работать и ничего слаще яблок не видеть, главное, чтобы это была не она. Её характер не позволял довольствоваться малым. Но если кому-то хватает этого малого, с чего ей того человека судить?

Теперь она бывала в магическом городе регулярно, и пусть едва-едва пару раз высовывала нос погулять по площади – если Манфред не появлялся к сроку, но считала себя почти полноправной горожанкой, прекрасно разбирающейся в магическом быту. Она давно не пугалась повозок, запряженных летающими конями или крупными жутковатого вида птицами, которые о и дело взмывали в воздух. Её не смущали и огромные драконы, то и дело перекрывающие крыльями небо над площадью.

Благодаря возможности прибывать в снятое для свиданий жильё в любое время, она хорошо разведала всё, для чего магия была не нужна, или же хватало слабенькой магии её браслета. Вода в отдельной пристроенной комнате текла с потолка в огромную каменную чашу, стоило только её коснуться браслетом и пожелать. Воду можно было нагреть и остудить, набрать до краев или спустить – Радка догадалась, что если чашу не наполнять, а просто сливать воду, то тут можно справить нужду. Такие изобретательные эти магики!

Были тут и другие самонабираемые чаши разных размеров и форм. Некоторые крепились к стене, а некоторые стояли на полу. Ну и пусть их. Радка решила не привыкать пока к лишней роскоши. Зачем столько, когда на всё хватит и этой? Напитки и еда всегда были на столе, когда она появлялась. И постель всегда была чистой, аккуратной – ни единого пятнышка! Вот к этому можно и привыкнуть.

Муж предпочитал пропадать в садах, раздавать советы работникам и чувствовать себя значимым. А если был дома, то на то и в нем и и два этажа и почти дюжина комнат, чтобы не наткнуться на жену случайно, да и специально не всякий раз отыскать. Раньше ночи Хенрык Радку искал редко, да и ночью тоже не слишком усердствовал, что её только радовало.

Беда пришла нежданно.

Радка ни о чем не подозревала, в новом платье лакомясь какими-то невероятно липкими темными фруктами. Испачкаться она не боялась. Невидимые то ли только ей, то ли вообще прислужники чистили всю оставленную одежду и вешали в шкаф, а взять платье домой она всё равно не осмелилась бы. Там и так хранилось одно – подарок Янки.

Ну, а если она всё-таки испортит платье – Манфред купит новое. Ему ужасно нравилась её баловать, хотя иногда Радке казалось, что он порядком удивлен её требованиями. Но слишком высоки они или наоборот, этого она понять не могла.

– Цветка, ты просто великолепна, – появившийся из портала Манфред выглядел таким радостно-возбужденным, а в руке держал коробочку – и сердце Радки ёкнуло. – Это тебе.

В голове рады пронесся целый ворох мыслей. Она наконец добилась своего, Манфред оставил Еву, и ведь ни словечка не говорил, хотел удивить, вот ведь шельмец! И теперь собирается предложить ей законный брак. Ведь именно так, подарив кольцо в коробочке, магики делали предложение руки и сердца. И это будет первое подобное предложение для Радки, тут она ни капли не соврет. Нельзя же считать предложением то, как родители поговорили с Хенрыком, потом еще привели его посмотреть на невесту вблизи и уговаривали так, словно пытались загнать лежалый товар. Дескать, и работница она ничего себе, и дурь с колодцами крепкий мужчина из неё легко выбьет... Вспоминать противно. Никакой любовью или хотя бы желанием там и не пахло.

Что же до Манфреда, то Радка не обманывалась. Тут любви было едва ли больше, но зато он желал её. Лишь бы желания хватило для того, чтобы он не оставил её, узнав об обмане. Ведь она никакая не магесса и не цветочная. Самая обычная яблочница из села.

Ей стало тяжелее удерживать приличествующую случаю улыбку на лице, так лихорадочно скакали её мысли. А что если заберет обратно кольцо? А она еще и замужем. Сельский брак легко разорвать, но нужен ли Манфреду такой скандал? А если не говорить? Пусть женится сначала, а потом потихоньку...

Руки чуть дрожали, но в отличие от забитой мыслями головы, действовали механически, так что коробочка была открыта раньше, чем Радка решила не открывать ее.

Пока Радка разглядывала серьги с красивыми драгоценными камнями, – всего лишь серьги?! – Манфред продолжил:

– Ты была права, это проклятие. Его сняли, и ты знаешь, что? Моя Ева беременна! Так что пока я буду рядом с ней – беременные невероятно чувствительны, но ты меня не забывай, присылай письмецо через годик, когда мой наследник уже родится. Я так счастлив, Цветка!

И он открыл портал, на прощание лишь чмокнув ее в губы.

– А я? – растерянно спросила у пустоты Радка, чувствуя, как по щекам струятся слезы. –
Как же я?

Ответ пришел скоро. Обследование у сельского лекаря показало, что она тоже в тягости
и родит почти одновременно с законной супругой Манфреда.

7 глава

Радка не бывала у родителей с самой свадьбы. Только забрала нехитрый скарб, который мог сойти за приданое разве что для слепого, да ушла в дом мужа. Родители тоже не стремились часто навещать её, это было не в правилах села. Когда все родственники вместе так или иначе работают в садах, там и обмениваются новостями да справляются о здоровье. А в домах собираются только зимой, да и то на свадьбу или похороны. Сейчас же Радослава была рада тому, что родители умирать пока не собирались. Ей нужна была поддержка, пусть совсем крошечная – другой ждать не приходилось. Теперь, когда Янки не было, ей некому было поплакаться во всем белом свете.

– Рада? – отец от неожиданности застыл на пороге, отчего дочери пришлось мяться рядом с домом, словно она пришла нежданной к чужим людям. Впрочем, он быстро пришел в себя и отодвинулся, позволяя ей проскользнуть внутрь. – Не ждал тебя увидеть.

– Конечно, – вся злость и страх всколыхнулись в Радке от этих слов. – Сбагрили с рук и забыли, да?

– Это не так, – тихо произнес отец и достал с печи еще почти горячий пирог. Мать всегда закутывала пироги полотенцами, отчего те теряли хрустящую корочку, зато оставались теплыми и мягкими как перьевая подушка. От воспоминаний Радка вздрогнула и сжала кулаки так, что стало больно ладоням от вонзившихся ногтей. Она училась всему у матери, но получалось все равно иначе. Словно та знала какой-то секрет, который прятала от дочери. – Прости. Я был против Хенрыка сначала, но он обеспечит твою жизнь. И он обещал тебя не бить. Ни за что.

«А стоило бы, может, тогда бы не понесла от другого», – с горечью подумала Радка. Отец, вот, её тоже не бил, может, потому она и выросла такой? Хотя нет, мать часто добиралась до её спины с хворостиной, так что это вряд ли как-то связано. Особенно ей доставалось за колодцы, но после горьких яблок хворостина была чепухой.

– А где мама? – чтобы хоть что-то спросить, произнесла Радослава. Желание поделиться с матерью своими проблемами уже казалось ей глупостью. Да что тут и говорить, на что они с отцом были разные люди, но с ним ей было проще и понятнее. Только обсуждать женские горести с отцом было неправильно. Сейчас достаточно посидеть недолго, чтобы не обидеть родителя, поговорить о новом урожае или нашествии яблочной мошки, и бежать.

Раньше она бы даже не задумывалась о том, что может обидеть отца или мать, но это было тогда. Она отвечала лишь за себя и могла позволить себя даже разрушить свою жизнь до основания. Это её право. Теперь же, нося под сердцем ребенка Манфреда, она понимала, как сильно нуждается в том, чтобы от неё не отвернулись эти люди. От неё и её ребенка. Каким он будет, догадается ли Хенрык об её измене, нужна ли ей будет помощь родителей. Хотя бы посидеть с ребенком. А если у него будут колики? Или лихорадка? Ох, маленькое зернышко внутри неё еще даже не было похожа на человечка, а сама Радка уже чувствовала себя квохчущей курицей. От этого любовь к пока не родившемуся ребенку переплеталась с ненавистью к нему же. И к себе. И к Манфреду, конечно.

– Мама ушла в сад, там снова эта мошка, – медленно ответил отец, испытующе оглядывая её своими темными до черноты глазами. Даже жаль, что ей не передались такие. Остается только пугать всех своими белесыми рыбьими зенками. Может, будь она черноглазой как отец или яркой блондинкой как Янка, Манфред не вернулся бы к жене... Нет, о Янке думать нельзя. Неизвестно, что там с ней, может, она вообще зря завидовала ей всё время.

Ладно хоть разговор с отцом складывался как надо. Сейчас обсудят мошку, новый урожай, и бежать домой. Лучше с немой ключницей говорить, чем пытаться объясниться со своими родителями. Не поймут. Никогда её не понимали.

– Когда внук родится? – неожиданно прервал её мысли отец. – Что ты вылупилась, козочка? Думаешь, я не вижу, как ты живота ненароком касаешься?

«Козочкой» отец звал её с детства, только тогда Радка ужасно злилась. У коз глаза страшные, голос противный и шерсть жесткая. Это теперь она понимала, что говорил он это ласково. Нежничал как умел, такой уж человек.

– По весне, как снег сойдет, – пробормотала она, потупив взгляд. Так говорил лекарь, а лекарю можно было доверять – все деревенские женщины рожали у него, а потом их дочери... Лекарь никогда не ходил к колодцам, но многие были уверены, что его яблоко непременно утонуло бы. Руки у него были золотые.

– Хорошо, – пробормотал отец, тоже глядя вниз, на руки. – Весенние ребятишки сильные и крепкие. Счастливым будет. На отца будет похож?

Радка моргнула и едва-едва успела прикинуться возмущенной. Вскочила даже.

– Ну, знаешь ли, отец! – голос отказал он, и возмущение вышло похожим на писк.

– Знаю, – теперь тот смотрел снизу вверх на неё, но прямо в глаза. – Мать у ребенка такая же будет как у Хенрыка или нет?

Почему-то снова возмутиться у Радки никак не получалось. Накатила усталость и какая-то безысходность. Хотелось тихонько поплакать, но она плакала только у колодцев и больше никогда. Снова к колодцу она не пойдет – мало ли, вдруг горькое яблоко навредит нерожденному малышу. Вместо этого она вспомнила шелковистые светлые волосы Манфреда – с виду почти одного цвета с её собственными, а наощупь – ничего общего с её паклей. Хенрык уже поседел, но, как она смутно помнила, он не был темноволосым. Да и в целом что-то общее в его лице прослеживалось с лицом любовника. Может, то, что у обоих не было каких-то особых отличий вроде длинного носа или маленьких глазок. Только при этом Хенрык был толстым и обрюзглым. И старым, да. А вот Манфред... Она снова вздохнула и торопливо ответила:

– Такой же, – вроде бы просто, чтобы отец не подумал не так про её печальный вздох, а на деле только ответив, поняла, что окончательно сдала себя и свои похождения. Что теперь будет? Неужели отец расскажет Хенрыку? Старый увалень не был злым, но рука у него была тяжелая, и уж за измену Радка могла испытать ее тяжесть на себе. А ей никак нельзя – если что-нибудь случится с ребенком, она уже никогда не попадет в мир магов. – Ты расскажешь?..

Она замолчала, судорожно пытаясь найти выход. Хорошо что сейчас лето, можно сбегать и... и податься ей было некуда. Разве что в город и... Манфред вряд ли будет рад её беременности, кто знает, может, магики умеют избавляться от ненужных детей. Или их слишком настойчивых матерей. Нет, пока малыш не родится, ноги её не будет рядом с любовником.

– Конечно, нет! – словно удивляясь, покачал головой отец и махнул рукой. – Эх, вся ты в мать пошла, козочка.

– Не понимаю, – беспомощно произнесла Радка и замерла. Только сейчас до неё дошло. Родители, невысокие и плотные, оба темно-русые, только у матери глаза серые, а у отца почти черные. И она, беленькая и высокая, ростом почти с Манфреда, а ведь он не низкий магик. Неужели и её мать завела ребенка, её, Радку, где-то на стороне, а её отец... И не отец ей вовсе.

– Извини, не спрашивал, кто твой отец, – он грустно усмехнулся в усы. – Предпочел считать таковым себя. И если ты не против, так и останется.

– Конечно, – пролепетала Радка, хлопая глазами. Перед ней словно сложили две половинки яблока и вышло целое. Стало ясно, и почему мать не слишком любила её в детстве, и почему ругала за походы к колодцу – Радка постоянно как бельмо на глазу оказывалась в центре внимания, привлекая так любящих сплетни соседей к новой теме и задевая никогда не устаревавшую старую. О том, как в их семье родилась светленькая Радослава, не похожая ни на одного из родителей.

Не сразу, но Радослава сумела понять, что отчим – пока она не готова была снова называть его отцом, её любит по-своему. Пусть и не сложилось особенно их отношения, но в этом

был виноват и её характер тоже. С самого детства она хотела, чтобы к ней относились как к Янке, и только сейчас поняла, что для этого нужно было быть Янкой. Нет, не красавицей и умницей, а той Янкой, что видела в людях только хорошее и не замечала зависти и злости.

– Лишь бы настоящий отец себя никак не выдал, – аккуратно заметил отчим, обнаружив что она опять погрузилась в думы. – Если он из нашего села, я могу поговорить с ним.

– Нет, не из нашего, – в этот раз Радка была настороже и не проговорила, что отец вовсе не «из села». Открывать то, что она сбегала в город магигов, ей было не с руки. Лучше вообще молчать побольше, а говорить поменьше. Чем больше он додумает сам, тем меньше совет она. И уж что она точно не собиралась говорить, так это что её сын – она была уверена, что сын! – точно окажется магик. Нет, это родителям знать ни к чему.

Даже после всего, что она узнала. Особенно после этого.

– Это хорошо, – кажется, отец даже вздохнул с облегчением. И его тоже можно было понять. – Я с матерью сам поговорю. Поддержим вас с внуком, не бойся.

– Спасибо, – прошептала еле слышно Радка, задрав голову вверх, чтобы не позволить ни слезинке выкатиться из глаз. Нет уж, она обещала себе не плакать. Тем более, из-за такой глупости.

– Нет, ну надо же, Рада, как быстро идет время! Я буду дедом! – шлепнул по колену отец, и Радка не нашлась, что сказать, чтобы напомнить ему, что в некотором роде это не он станет дедом. Кажется, она слишком мало знала о мире, в котором прожила всю жизнь, но все равно хотела его покинуть и поскорее. Говорить об этом отцу тоже не следовало, вот она и промолчала, лишь улыбнувшись в ответ и раздраженно чувствуя, какой жалкой вышла эта её улыбка.

Рада ушла домой, оставив растроганного старика разговаривать с матерью. Пусть отец, всё-таки отец, привычка – страшное дело, пусть отец и сказал, что они с матерью готовы помочь, сама Рада не готова была принимать слишком много этой помощи. Однажды она оставит за спиной это село, и будет лучше, если её ничто не будет удерживать в ней. И никто не будет.

8 глава

Серьги она сдала в ломбард в соседней деревне, куда они с мужем ездили на ярмарку. Ей негде было их носить, не вызывая вопросов, а деньги понадобились, чтобы заплатить лекарю, который должен был подтвердить после родов, что ребенок родился раньше срока – через семь месяцев после того, как они с мужем его зачали. Такое случалось, и Хенрык гордо бормотал, что его сын даже недоношенный – настоящий здоровяк.

После разговора с отцом она осмелела и хотела выбраться в магический город, чтобы отправить весточку Манфреду и всё-таки сообщить о будущем ребенке, но её браслет больше не работал. Конечно, было понятно, что Манфред снесет свой портал, едва решит проводить больше времени со своей ледышкой Евой. Но почему не работало то, что магичила Янка – это было непонятно. Если она только еще жива, её бедная подружка.

Радка всё чаще думала о Янке и жалела её, чтобы поменьше жалеть саму себя. Жизнь снова повернулась к ней своей неприглядной стороной, но сейчас ей меньше чем когда-либо хотелось чувствовать себя слабой. Беременность у неё протекала тяжело, а рядом не было ни родителей, ни подружек, которым можно было пожаловаться. Нет, никто не запрещал ей сбежать к матери, но после разговора с отцом, которого она теперь никак не могла воспринимать иначе как отчима, чтобы там мать не говорила, она не хотела лишний раз попадаться ему на глаза. Не когда она выросла «вся в мать» по его разумению. Где-то в глубине души она чувствовала, будто подвела его, но не могла понять, как и в чем. Он ведь и так никогда в неё не верил, ведь правда?

Или же говорил, что не верит. Уже поздно было узнавать. Наверное, это был тот самый случай, когда она была совсем не Янкой. И пусть, какой-то своей частью она понимала, что отец-отчим, как же тут не запутаться, любил её и принимал такой, какой она выросла, ей этого было мало. Гордыня не позволяла жаловаться ему или матери. Особенно матери.

Конечно, отчим поговорил с ней о будущем внуке, но мать так и не показала ей этого ни разу, только вела себя спокойно, не орала, что она их опозорила – и то ладно.

Когда же родился Фабиуш и достаточно окреп, чтобы показывать его посторонним, родители сами пришли в их дом, чтобы поглядеть на внука. Её скупой старый муж неожиданно расчувствовался и даже устроил прием по поводу рождения сына.

– Фабусь вылитый я в детстве, – размазывая пьяные слезы после крепкого хмельного яблочного сидра, заплетающимся языком выговаривал он гостям. – Уж не надеялся, не ждал!

Отец кинул короткий взгляд на Радку, но та предпочла сделать вид, что к ней всё это никакого отношения не имеет. Она теперь совсем взрослая женщина, мать. Сама может решить, чувствовать себя виноватой или нет. Она вот не чувствовала.

– Да чего я говорю и говорю, вы посмотрите! – спохватился Хенрык и вытащил какую-то старую шкатулку. Тут и Радка заинтересовалась. Шкатулка была богато украшена – таких на ярмарке не купишь. Даже обидно – у этого скупердяя была такая вещица, а он её прятал от жены!

Впрочем, о своей обиде Радке пришлось забыть, потому как Хенрык из глубин шкатулки достал золотистую полусферу, напоминающую половинку яблока, только вместо семечек и сердцевины там внутри было изображение Радкиного Фабуся! Один в один, только пеленок у него таких не было.

– Вот, это я в детстве, – буркнул в усы Хенрык. Было видно, что он уже сейчас жалеет о своей откровенности. И было от чего! Если до этого только ходили слухи о том, что он из семьи мажиков, но родившийся без магии, то теперь по вот этому изображению в половинке яблока стало окончательно ясно, что так оно и было.

Радка почувствовала накатывающую дурноту. Он же не может быть отцом Манфреда, нет? Хотя, о чем это она, тот рассказывал о семейном ужине с родителями и женой... Её медленно отпустила тошнота и паника. И, главное было не смотреть на своего отца, который заинтересованно поднял бровь, готовый поверить в то, что дочь... А что дочь? И Радка отвернулась, не желая встречаться с ним глазами.

– И впрямь удивительно похожи, – за всех ответила Радкина мать, тетешкая внука. Правда, надолго её не хватило. Её никогда надолго не хватало, так было и с самой Радкой, и с садом, и с отцом. Непутевая она была, слишком легкомысленная. Зато красивая. Плотненькая, кудрявая, остроглазая. В самом соку, точно как любили в селе. Жаль, что внешностью Радка пошла не в неё, а в своего неизвестного отца. И не спросишь ведь у неё, кто настоящий отец и чего мать в нем нашла.

Ничего удивительного не было, что второй раз родители пришли нескоро, а потом и вовсе перестали приходить, отговариваясь скорым сбором урожая. Лето пролетело, Радка и заметить не успела. Впереди снова маячила зима, а драконы... ну что драконы. Её они не увезут, а Янку они перестали привозить давным-давно. Да и сама Радка больше не отговаривалась встречами с подругой. Это стало опасно. Впрочем, и сбежать ей было больше некуда.

Хенрык больше сидр в таких количествах не пил и шкатулку не вынимал, словно и не было ничего такого. И на Фабиуша смотрел редко – чего ему до совсем крохи, который еще только начинал делать первые неуверенные шаги? Вот когда вырастет, тогда уж совсем другое дело. А что у него болит животик, режутся зубки и другие беды – ну на то ребенку и мать, чтобы с этим справляться.

Зато у Радки тоже выдалась отдушина – чтобы ребенок не мешал по-старчески прерывистому сну Хенрыка, тот выделил жене и наследнику треть дома, на которой сам не появлялся. И в постель Радку больше не звал к их обоюдному облегчению. Всё-таки он был далеко не мальчик.

Однажды Радка всё-таки встретила с отцом. Она понесла Фабуся в сельские сады, чтобы он мог поиграть неспелыми еще яблоками, поползть на травке и поглазеть на поселившихся в тенистой кроне деревьев пташек. Так росла она, так росла и её мать, да и все прочие дети в селе росли так.

Тут можно было встретить и других матерей с детьми, и если саму Радку едва терпели из-за её сварливого характера и злого языка, то солнечного Фабуся, который несмело топал на своих толстеньких ножках то к одному, то к другому малышу и каждому улыбался так широко, что у Радки сердце замирало, никто не обижал.

Вот и в тот день Радка вынесла Фабуся поиграть на травке, а сама села в тенечке, подальше от болтливых как сороки женщин, чтоб их всех дракон пожрал. Она даже подумывала вздремнуть, благо ребенку в садах ничего не грозило, когда откуда не возьмись появился отец.

Нет, мужчины тоже бывали в садах, проверяли, скоро ли поспеет урожай, подрезали деревья, а порой и гнали заболтавшихся жен с детьми домой, чтобы те приготовили ужин. Прямо счастье, что Хенрык достаточно богат, чтобы содержать немую дряхлую ключницу, способную приготовить нехитрую снедь. Иначе бы не видать Радке свободы.

И вот когда она уже почти задремала, над ней раздался короткий хриплый звук. Словно кто-то кашлянул, так знакомо, она слышала этот звук в детстве, когда обрывала слишком зеленые яблоки в саду или засыпала над шитьем.

– Папа? – она открыла глаза, враз пожалев, что назвала его как в детстве. Она же взрослая женщина, а он ей даже не отец!

– И никак в толк не возьму, зачем ты так? – он сел рядом, не обращая внимания на то, как Радка скривилась. – Я думал, поживешь с Хенрыком, он старый, умрет скоро, будешь свободной женщиной. А ты себе такую обузу взвалила.

И он кивнул в сторону играющего неподалеку внука. Радка мгновенно вскипела. Когда у сына болел животик или он капризничал, когда у неё отваливались руки и, казалось, на части разваливается спина от таскания не желающего засыпать упитанного мальчишки, она и сама порой думала, что он обуза. Но никому и никогда она не собиралась позволять думать также.

– Хенрык выкидыш магиков, – процедила она сквозь зубы. – Еще столько же проживет, как они живут, я раньше состарюсь. И Фабусь не обуза. Он же не Хенрыка...

Прежде, чем отец успел что-то спросить, она твердо добавила:

– ...Он мой сын.

Странно, обычно она всегда фантазировала о том, как привезет Фабиуша к Манфреду, покажет ему ребенка и скажет, мол, вот твой сын. А тут раз – и сказала, что он её. Будто и не было никакого Манфреда.

Нет, надо поскорее выбираться в магический город, а то так можно и привыкнуть прозябать, найти удовольствие в этих прогулках по саду, готовке сыну и других скучных глупостях.

Глядя на её решительное злое лицо, отец тяжело поднялся с травы и покачал головой:

– Где-то мы не досмотрели с матерью.

– Да вы вообще не смотрели, – нельзя было сорваться на крик, Фабусь от этого пугался и плакал. Обидно даже, Радка любила покричать, потопать ногами. А теперь приходилось сдерживаться. – Вы наплевали на меня, сбыви с рук этому старому пузырю, и еще недовольны!

Тонко заплакал Фабусь – почувствовал, что мать злится. Но сейчас Радка даже была довольна, появился повод оставить отца и отойти к ребенку, взять его на руки, прижать к себе тяжелое теплое тельце, вдохнуть яблочный свежий запах, идущий от макушки. Детки, выросшие в садах, пахли яблоками – это ли не самое расчудесное чудо?

Радка не знала, как смягчается и становится почти красивым её лицо, когда она прижимает к себе сына, но зато она могла видеть, как уходит отец, сгорбившись и, казалось, постарев на добрый десяток лет. И ей не было жаль, ведь она всего лишь сказала правду. Многие не любят правды, что с того. А вот он глупость сморозил. Сам же говорил, что она пошла в мать, чего теперь ей пенять? Недосмотрели. Знали, где упасть, а соломки не подстелили, а Радке теперь отвечать. Нет, не зря она продолжала избегать родителей, хоть и расчувствовалась в том разговоре с отцом. Отчимом. Тьфу-ты, пропасть.

9 глава

– Еще один шанс, мне нужен один шанс, – бормотала Радка, укачивая сына. – Я дождусь.
– Я дождусь, – как заведенная повторяла она, остервенело трясая кровать. Первая мысль – жить своей жизнью, просто растить сына и забыть о магическом городе, была с негодованием отброшена, ведь это мог оказаться тот самый ее единственный шанс, достаточно было только подождать.

Время неумолимо шло, и вот наконец случилось то, чего так ждала Радослава. Когда Фабусю исполнилось четыре, он уронил на соседского мальчика садовую лопатку, даже не приближаясь. Тот разрыдался, и лопатка под испуганное ойканье Фабуся испарилась в воздухе. Растаяла.

Рада немедленно подхватила его на руки, не в силах вымолвить ни слова. Перепуганный малыш затих, прижимаясь к теплomu материнскому плечу. А Радка так и стояла, чуть покачиваясь с закрытыми глазами, не в силах вдохнуть как следует и успокоить сердцебиение, которое отдавалось в ушах. Пусть она ждала этого каждый день, но всё равно оказалась не готова.

И лишь когда Фабусь заёрзал, недовольный такими долгими и слишком крепкими объятиями, она смогла открыть глаза. И побежала. К дому, инстинктивно ища убежища, в котором можно было бы пережить свалившиеся на неё новости.

Всю дорогу Радка не могла успокоиться, возбужденно бормоча вполголоса и то и дело сильнее сжимая сына, чтобы удостовериться, что он не собирается исчезнуть прямо у неё из рук – магии иногда были слишком непредсказуемыми.

Но Фабусь вел себя как обычно, не плакал и ковырял в носу с таким важным видом, словно уже был великим магом, никак не меньше. И она успокоилась. В тишине дома она смогла взять себя в руки и обдумать, что делать дальше.

Пусть никто и никогда в их селе не приводил таких маленьких детей к колодцам, Радка не могла дожидаться конца лета и прилета драконов. Она точно знала, что в этот раз у неё всё получится. То есть, конечно, не у неё, а у Фабуся... но это почти одно и то же.

Страшно было... куда страшнее, чем, когда она сама раз за разом шла к колодцам. А вдруг ей просто хотелось, чтобы Фабиуш оказался магом, и она это всё попросту придумала? И лопатка не исчезала, а если и исчезла, то рядом была два мальчика, а не один.

На радость матери, Фабусь всё лето исправно заставлял вещи то исчезать, то появляться. Кажется, как Янка могла заставить увянуть любой цветок, так её, Радкин, сын мог перемещать предметы в пространстве. И во времени. По крайней мере, исчезнувшая лопатка спустя три дня шлепнулась ей на подол, когда она играла с Фабусем в саду. Может, у магов были специализации, в чем они были особенно хороши? Или же то, в чем они только и разбирались – спросить было некого. Янка ничего такого не рассказывала, а сейчас и вовсе неясно, где она. И пусть её родители решили, что она просто переросла приезды домой, Рада знала правду – Янки не было в городе. По крайней мере, её не было рядом со Скарбимежем, а это уже что-то, но значило.

У Манфреда про особенности магов Радка тоже ничего не спрашивала, но совсем по другой причине. Ей и без того было непросто выдавать себя за магессу из цветочных, так что от расспросов приходилось уходить одним и тем же весьма действенным способом, и на свои вопросы времени уже не оставалось. Да и не рискнула бы она, впопыхах наощупь изображая возможности, каких у неё не было. Можно было оступиться и спросить что-то совсем простое, известное магам в обоих королевствах.

Так что теперь ей оставалось вспоминать, видела ли она что-то подобное у Манфреда, или Фабусю достался какой-то особый дар.

Лето пробежало быстро, как бывало только с летом. Едва облетели цветки у яблонь, и вот уже наливаются плоды, тяжелый медовый дух наполняет сады, и люди ждут драконов.

Как непросто было прожить эти месяцы Радославе, пытаясь казаться естественной и не выдавать своего нетерпения. Она уже собрала котомку для себя, оставалось лишь собрать Фабиушу, но это было просто – у мальчика была всего пара любимых игрушек, а одежды много не надо – дети в этом возрасте так быстро растут!

Наконец настал день сбора урожая – и небо снова потемнело от крыльев драконов, один из которых опустился у колодцев. Сдерживая себя из последних сил – как же дотерпеть до вечера, вот как? – Радослава повела сына в сад, делая вид, что вовсе не собирается к колодцам. Стоит соседям заметить её интерес, как они не оставят её и колодцы в покое, надеясь на очередное развлечение. И пусть она несколько лет не была у колодцев, не ела горьких яблок, и только по слухам знала, что давно прилетают другие всадники, не те, что летали в дни её детства, память людская была крепче, чем хотелось. И её до сих пор иногда звали «королевой горьких яблок», заставляя скрипеть зубами от злости и обиды.

Нет, Радка не даст им такого удовольствия, снова посмеяться над ней или сыном. Она подождет.

– Смотри, Фабусь, – она потянула красиво румяное яблоко, которое с легким щелчком отделилось от ветки вместе с черенком. Совсем спелое, скоро они всю начнут валиться на землю, если не собрать их раньше. В сады буду правдами и неправдами забираться свиньи и козы, чтобы полакомиться паданками. Самое веселое и суматошное время в деревне. После него приходит зима, сад замирает и на поселение словно покрывало натягивается тишина. И скука. – Какое яблочко! Бросишь его в колодец, чтобы улететь на драконе?

Она без устали твердила ему это всё лето. Сначала показывала едва завязавшиеся яблоки, потом варила компот и бросала в него половинки сухих плодов, позволяя и маленьким ручкам сына поучаствовать в готовке. Хенрык всё еще никак не участвовал в воспитании наследника и потому она не боялась, что Фабусь проговорится. Но он должен был быть готов, её мальчик. Как давным-давно готова она сама.

– Длаконы! – хлопнул в ладоши сынок и потянулся за сорванным матерью яблоком. Драконы ему и впрямь нравились, Радка выносила его во двор каждый раз, когда летели эти невероятные существа, дважды в год с тех пор, как он родился. Но к колодцам она с ним ходила только после того как драконы улетали. Во избежание. Во избежание чего она сама толком не могла объяснить, просто знала, что это правильно.

– Именно так, – подхватила она, позволяя сыну взять яблоко. Он сразу потянул его в рот, но Радка не собиралась ругаться из-за этого. Яблочко в саду Хенрыка много, неважно какое из них уже этим вечером утонет в колодце, брошенное рукой Фабуса. – Полетим на драконе. Ты и я.

– И я, – важно кивнул Фабусь. Он был довольно умным для своего возраста по сравнению с ровесниками. Радка уделяла ему всё свое время, ведь подруг кроме пропавшей Янки у неё не было, с родителями она общалась редко, а Хенрыка предпочитала избегать. Впрочем, он и не настаивал на близком общении с тех пор, как она подгадала его визит на её половину к болезни Фабуса. Это только толстый старый Хенрык мог считать, что он сам решает, когда навестить жену, на самом деле Рада давно крутила им как могла. Капризный потный ребенок с блестящими от лихорадки глазами напугал своего якобы отца, и больше Хенрык на их половине не показывался.

Радка была уверена, что Манфред бы не сбежал так трусливо. Он наверняка помогает Еве с их отпрыском, может, уже учит магии или что там делают магики с маленькими детьми? Ах, если бы Янка по-прежнему приезжала к ним в деревню, можно было бы её расспросить! Но чего нет, того нет.

В конце концов, она скоро всё узнает сама. Теперь, когда Фабусь вырос и оказался магом, их уже нельзя просто проигнорировать. Она будет биться за свое право быть рядом с Манфредом до конца. Ей нужен магический мир, и она получит свой шанс. Что же до Евы с её ребенком – их Радке не было жаль. Ева жила на всем готовеньком, а её ребенок – он даже мог не быть магом. Неизвестно, в каком возрасте это определяется точно. Вот она за Фабуся спокойна.

Так она продолжала убеждать себя, почти не чувствуя, как её трясет, трясет от страха и ожидания. Казалось, она ждала так долго, но последние часы оказались самыми сложными. Вот потянулись от колодцев соседи – видно, все желающие уже кинули свои яблоки, если были эти желающие. С каждым годом всё реже кто-то выходил к колодцу, и Радка это знала. Начало темнеть.

Накормленный Фабусь давно спал в сооруженном специально для него гамаке под яблонями, летом они нередко с матерью ночевали вот так, на улице, и Хенрык привык к этому. Сейчас же это было на руку Радке. Осторожно беря на руки тяжелого плотного Фабуся, закутанного в легкое одеяльце, она поспешила к колодцам. Сложнее всего было пройти так, чтобы не встретиться ни с кем из соседей – любопытные кумушки отлично видели даже в темноте, а уж языками молоть могли до рассвета. К тому же в теплое время прилета драконов и сбора урожая многие не ложились засветло.

Наконец село осталось позади, и Рада вздохнула спокойнее. Она осторожно разбудила сына и шепотом начала словно сказку рассказывать о драконе, к которому они идут. Расчет оказался верным. Вскоре любопытный мальчишка выпутался из своего одеяла – хоть не заставил его исчезнуть, и то хорошо! – и потребовал спустить его на землю.

Свернув одеяло и подумав, что его исчезновение было бы неплохим знаком, Радка медленно зашагала в сторону заметного даже отсюда огромного дракона.

Словно живая гора дракон с каждым вздохом поднимался на добрый локоть и снова выдыхал, становясь меньше, но оставаясь горой. При виде его уродливой морды, покрытой грубыми костяными наростами и воинственно торчащего гребня Радка с трудом удержалась, чтобы не побежать бегом, подхватив еле шагающего сына на руки. Но ей удалось справиться с собой – сын должен был прийти к колодцам сам.

Дракон первым услышал их приближение и фыркнул, привлекая внимание ужинающего у костра всадника. Конечно, магов селяне снабжали самым вкусным, что у них находилось, радуясь возможности хоть так оказаться ближе к чуду. Драконы же в своих путешествиях по яблоневым садам ничего не ели, только пили из колодцев. По крайней мере, Радка ни разу не замечала обедающих драконов, а ведь она часами сидела в кустах рядом с колодцами после того, как съедала очередное немислимо горькое яблоко, страшаясь идти домой. Сейчас это было далеко позади. Как будто бы даже и не с ней.

– Госпожа, – молоденький, едва ли старше её самой, всадник, поспешно вытер рот и встал рядом с колодцем. – Вы будете пробовать?

Всадникам нельзя было препятствовать желающим попытаться, поэтому он ни слова не сказал, что думает о её возрасте и ребенке, но по его глазам Радка и без того всё поняла. И разозлилась. Пусть он был юн, но не такого ли возраста были всадники, что прилетали раньше? Просто она тогда была младше, и они ей казались недостижимо взрослыми.

– Нет, – довольно резко ответила она ему, и уже мягче добавила. – Мой сын магик.

– Но ваш сын еще так мал, – всё-таки не удержался всадник. – Вам не жаль расставаться с ним, госпожа?

Радка, прищурившись, оглядела всадника. А он был неглуп для своего возраста. Не стал спорить, что такой малыш вряд ли проявит свою магию в таком возрасте, и по-прежнему вежливо зовет её госпожой. Нет, он совсем не глуп!

В этот момент дракон с силой выдохнул, едва не подняв её юбку.

– Ах ты!.. – вскрикнула Радка, но тут же ахнула совсем по-другому. – Седой!

Это был тот самый дракон, на котором прилетала Янка с женихом. Кажется, он узнал подружку юной магессы раньше, чем она его. Ну да всем известно, что у драконов совершенно особенная память. Они внимательно следят за всем, что происходит вокруг... Жаль, что не говорят.

Но Седой, да еще и узнавший её – это и впрямь отличный знак, и Радка бесстрашно бросилась обнимать уродливую огромную голову. Фабусь радостно заверещал и захлопал в ладоши. Ему дракон нравился.

– Госпожа, вы знаете этого дракона? – вот теперь в голосе всадника звучало неподдельное удивление и даже уважение.

– А то, – едва не целуя уродливую морду – словно уже чувствуя, как исполняются все мечты, ответила Радка. – Мы с Седым старые друзья.

Соврала, конечно. Но дракон вряд ли обидится на такое вранье. По крайней мере, её ласке он и впрямь был рад.

Она отвлеклась, но всплеск услышала ясно, и одновременно с всадником успела к колодцу. Брошенное детской рукой, яблоко стремительно уходило ко дну.

– И правда магик, – прошептал всадник, бледнея. – Госпожа, ваш сын должен будет полететь со мной.

– Не так быстро, ребенок, – остановила его Радка. Да, она может даже младше его ненамного, но он совсем не знал жизни, и это делало его ближе к Фабусю, чем к его матери. – Всем известно, что родители магика могут лететь с ним. Или вы изменили правила?

– Нет, – судя по лицу всадника, он проклинал всезнающую простолюдинку и костерил всеми словами, но Радке было плевать. Если он только не проклянет её по-настоящему, но до этого дело она решила не доводить. – Вы правы. Если магик хочет...

– Фабусь, ты хочешь, чтобы ты с мамой полетел на драконе? – не дослушав его, ласково обратилась Рада к сыну. Мальчик радостно захлопал в ладоши. – Этого достаточно?

– Формально не... да, достаточно, – окончательно смешался всадник. – Просто обычно так никто не делает.

– Обычно меня и не интересует, – отрезала Радка. – Когда улетаем?

– Послезавтра на закате, – ответил тот. – Хотя никто не проходил сегодня испытание кроме вашего сына, но мы должны ждать до третьего дня, поэтому...

– Мы придем, – сухо остановила его Радка и подняла Фабуся на руки. Малыш уже снова тер глаза и зевал. Кажется, даже встреча с драконом не расшевелила его больше, чем требовалось. – Дождитесь нас.

– Разумеется, госпожа, – скорбно отозвался всадник, не желая даже думать о том, как лететь с таким беспокойным грузом. Он подумает об этом потом. Послезавтра.

Но Радке не было никакого дела до страданий незнакомого магика, она несла Фабиуша обратно в деревню.

– Никому не рассказывай о том, что мы ходили к драконам и ты кидал яблоко, – шептала она на ухо засыпающему сыну. – Это наш с тобой секрет, мой милый. Только наш.

Сын мирно сопел, когда она завернула его в одеяльце и осторожно положила в гамак. Руки отваливались от того, что она тащила тяжелого Фабуся всю дорогу, но Радка не чувствовала этой боли – она была счастлива. Всё наконец-то стало складываться именно так, как должно было сложиться уже давным-давно.

10 глава

«Здравствуй, Манфред, – вывела Радка аккуратно. – Необходимо срочно встретиться. У меня растёт твой сын, – она задумчиво посмотрела на сына, который облизывал ложку. – А ещё он магик, и мы уже на площади в нашем с тобой кафе. Цветка, – зачеркнуто. – Радка».

Радка попросила приятную даму с хорошеньким русоволосым малышом – прямо ангелочек, не как её Фабусь, конечно, но тоже очень милый! – присмотреть за сыном и сбегала до почты, где с помощью приятного седого почтальона отправила мгновенной почтой свое письмо.

Теперь оставалось только ждать. Упускать свой шанс Радка была не намерена.

Она вернулась в кафе, в который раз с досадой вспоминая о том, какие там невероятно высокие цены. Стоило подождать в менее вызывающем месте, но она так хотела напомнить Манфреду об их первой встрече. С тех пор прошло так много времени, она и так торопила время до встречи как могла и лишь надеялась, что по-прежнему выглядит лучше, чем его Ева, по крайней мере в том, что касается фигуры. Ей потребовалось много усилий, чтобы не расплзтись после родов – сытные яблочные пироги этому способствовали только так, но желание паразитить магика при встрече пересилило.

Всё получилось, и она влезла в то самое платье, что когда-то подарила Янка. Других красивых вещей у неё не было. Сбегая с сыном из дома ночью, не прощаясь с мужем или даже старой ключницей, она взяла немного. Одежду для сына, пару его любимых игрушек, свои нехитрые украшения, немного денег, неработающий браслет Янки и магическую фотографию маленького Хенрика. Она не знала, что толкнуло её на воровство. Явная ценность вещи или то, что на фото, как ей казалось, был вовсе не её муж, а Фабиуш, но удержаться она не могла, и, разорвав тайник, поспешно бежала. Дракон поднялся в воздух, едва они с сыном уместились на его шее позади всадника. На родное село она даже не оглянулась, да и в темноте мало что можно было разглядеть.

И вот теперь она сидела здесь, гипнотизировала чашечку с баснословно дорогим кофе и ждала, чувствуя себя всё более жалкой в этом старом платье, которое когда-то подарила Янка. И что толку радоваться, что после родов и восьми лет она по-прежнему в него влезала, если это было её единственное настоящее платье?

Другое дело та магесса, что сидела с сыном рядом, и так мило согласилась помочь с Фабусем. У неё был легкая и даже на вид очень дорогая перчатка, хотя по её виду и не скажешь, что ей приходится много магичить самой. Но всё же. И одета она была прекрасно, утончено. Прическа – сразу видно, что не сама укладывала волосы. Радка о таком могла только мечтать – кроме Янки никто не укладывал ей причёску. Мать могла быстро заплести косу и всё. Да и то лишь до тех пор, пока она сама не научилась. Зато Фабиуш был спокойный, не то что капризный сын магессы, который весь перепачкался мороженым, стоящим тут по цене самоцветов.

Фабиуш ничего не просил, сидел на стуле тихо и продолжал оближивать ложку, которой ел куда более простое мороженое, пока оно не кончилось. Сейчас у него осталась только ложка, но он довольствовался и этим, тараша свои изумительно красивые глаза и вертя головой по сторонам. И всё это молча. Есть чем гордиться!

– У вас очень спокойный сын, – заметила магесса, устав ловить своего сорванца и заключая его в светящийся кокон, наполненный какими-то звездочками. Похоже, это должно было успокоить мальчика, а то и усыпить. По крайней мере, тот вскоре начал тереть глаза и зевать, а потом и вовсе свернулся как котенок и закрыл глаза. Кокон стал мерно покачиваться, убаюкивая ребенка.

Радка, до этого смотрящая на магессу с толикой зависти и немногим больше высокомерия более удачливой матери, сама поразила своим мыслям. Какая злость её взяла от этой

демонстрации магии! А что это была именно показательная демонстрация, она не сомневалась. Да, на её руке тоже был магический браслет, тот самый, что когда-то подарила Янка, но он не работал в руках такой обычной Радки и, казалось, каждый магик на этой площади знал это. Уж эта магесса с сыном точно.

– Да, мне повезло, наверное, в отца пошел, – тем не менее отозвалась она с милой улыбкой. Ссориться в чужом городе с магессой она не собиралась, поэтому злой язык решила придержать. А ведь ей было что сказать!

Однако магесса не оценила её усилий.

– Вы думаете? – произнесла она так, слово сомневалась в том, что Радка на это способна. Но она сама себя дурой не считала, и поэтому, приложив титанические усилия, на непонятную шпильку отвечать не стала. Воцарилось неуютное молчание.

Некоторое время Радка цедила кофе, стараясь растянуть его как можно на дольше, и искоса поглядывала на соседку, которая же, пользуясь сном своего сына, всецело была занята разглядыванием Радки и Фабиуша. Радке даже стало немного не по себе – она всегда знала, что магики несколько бесцеремонны, но всему же есть предел!

– Он не придет, – неожиданно прервала молчание магесса, когда Радка только-только перестала обращать на неё внимание. И потому её слова застали врасплох.

– Кто? – ляпнула Радка и сама на себя разозлилась. Так глупо подставляться!

Но магесса ничуть не обрадовалась её ошибке, не разозлилась, ничего. Словно ей было что-то известно, и ей было этого достаточно. Даже красивые губы перестала кривить и нос морщить. Смотрела спокойно, даже с некоторым участием, как когда они только сели за соседние столики.

– Он, – она покачала головой. – Тот, кого вы ждете. Поверьте моему опыту, если мужчина не приходит по первому зову в первые полчаса, он не приходит вовсе.

Она выглядела довольно молодой, чтобы язык Радки не зачесался по поводу её опыта, но она снова сумела промолчать – просто чудо какое-то! И на этом чудеса не кончились.

– Если вы намерены ждать – ждите, – пожала плечами магесса. – Просто помните, что общежития для найденных магиков на ночь могут закрывать, а вы в дорожном платье и с вещами – вам стоит уложить ребенка спать...

Пока Радка от злости не могла найти, что ответить, магесса задумчиво продолжила:

– ... Вы ведь заботитесь о его благополучии, не правда ли? Он хоть и тихий, но всё равно устал и голоден. – Она щелкнула пальцем по меню и подозвала официанта. – Этой даме принесите еще кофе и пирожное, а мальчику детский обед. Запишите на счет моего супруга, как и предыдущий их заказ.

Она поднялась и притянула светящийся кокон с сыном ближе.

– Сп... спасибо, – неуверенно пробормотала Радка, окончательно переставшая что-либо понимать. Слушаться совета незнакомки она не собиралась, и кофе с пирожным были кстати.

– И да, – магесса уже повернулась к ней спиной, когда снова заговорила. – Думаю, ваш мальчик и впрямь похож на отца. Но только внешне.

И она ушла, не дождавшись, когда Радка сообразит, о чем речь.

А когда она сообразила, кого так нечаянно встретила, было уже поздно. И потом, не отказываться же от пирожного и обеда? Только почему-то изысканный крем казался ей горьким как те самые яблоки, что не тонули в колодце. Не иначе, как испортился.

Но, как и в случае с яблоками, Радка проявила недюжее упрямство, продолжая есть невкусное пирожное, пока от него не осталось ни крошки. Так вот она какая, Ева. Рада стеснялась её бесцеремонного разглядывания, и почти не смотрела в ответ. Только и запомнила, что шикарную прическу, платье и перчатку. Дурочка.

Впрочем, допив вторую чашку кофе – пусть Манфред раскошелится, ему не впервой, Радка успокоилась. Что она увидит, если перестанет труситься и словно сошедшая с ума белка мысленно перескакивать со слова на слово, что сказала ей Ева? \

Во-первых, Фабусь похож на Манфреда – и это признала даже его супруга, тогда как её сын совсем другой, к тому же непослушный и капризный. Это давало надежду. Ведь когда Манфред увидит Фабиуша, он уже не сможет отворачиваться и делать вид, что не знает её. Доказательство, её сокровище – её сын. Во-вторых, Ева пусть и не была ей рада, но и не пыталась навредить. Она владела магией и запросто могла изуродовать ничего не подозревающую Радку каким-нибудь изошренным заклинанием, и та даже ничего не смогла бы сделать.

Запоздало испугавшись, молодая женщина оглядела себя в зеркальной колонне. Но нет, всё было точно таким, как и всегда. Пусть и хотелось получше.

Наевшийся Фабиуш забрался к матери на руки и задремал, пока она продолжала решать, как ей быть. До ночи еще было далеко, может, Ева солгала, и Манфред придет. С другой стороны, все дороги найденных ведут в общежитие, и ей стоит отправиться туда, и уже там дожидаться Манфреда. Он не сможет игнорировать её и сына, только не сейчас, когда они явились в магический город, и маленький Фабиуш уже сейчас неплохой магик.

Какое-то жалкое трусливо нечто внутри Радки нашептывало, что торопиться не стоит, и ей еще придется объяснять, как она оказалась не-магессой. Вдруг для таких как она у магиков есть наказания? Её могут и вовсе убить, и отобрать её сына, и противная Ева станет мачехой для её чудесного Фабуся, и позволит своему капризному сыну обижать его.

Сказки про падчериц Радка читала с избытком – кроме тех самых книг, что когда-то помогли ей изловить Манфреда, да сказок в библиотеке было не так много книг. А вот книги про пасынков ей не попадались. Но почему-то она сомневалась, что его история будет веселее. Робкий внутренний голос осмелел настолько, что и вовсе предложил бежать что есть силы, может, даже, снова в село. Если даже их с Фабусем и хватились, то всегда можно соврать, будто ездили в соседнюю деревню или в дальние дикие сады.

Тут Радка наконец разозлилась на себя и пригрозила внутреннему голосу вырвать язык или что там у него имеется. Нет уж, она будет держаться за свой шанс до последнего! И никто их не обидит.

– Уважаемый, – обратилась она к слуге, что разносил кофе. Одет и выглядел он при этом так, словно напитки носили ему. Такую ткань Радка видела только в городе, это точно. И уж точно, такому типу не скажешь «эй, ты!» – пусть она и воспользовалась счетом Манфреда, и это подняло мнение слуги о ней от пола где-то до высоты табуретки. – Как мне найти общежитие для найденных магиков?

– Это не очень просто... – наморщил лоб слуга, потом глаза его загорелись. – О, наш новый курьер из найденных. Он как раз собирался домой. Он вас и проводит.

– Спасибо, – пробормотала Радослава, поудобнее перехватывая сонного Фабуся. Ей никогда не привыкнуть к этим презрительным взглядам, странным образом сочетающимся с готовностью помочь.

– Сейчас он подойдет, – пообещал слуга, махнув кому-то рукой.

В этот момент входная дверь в кафе открылась, залился звоном круглый колокольчик. Рада сидела в кафе достаточно долго, чтобы понять, как зачарован этот бубенчик – он по-разному реагировал на посетителей в зависимости от их возможностей. Когда зашла сама Радка, он едва брякнул, а вот сейчас он звенел добрых секунд тридцать. Да только не стоило Раде даже смотреть на вошедших. Сдержаться оказалось на удивление сложно. И ведь она видела уже их вместе!

Скарбимеж чуть сдвинул брови, скользнув взглядом по ней – неужели узнал? А вот его красивая холеная жена сразу прошла к столику, который уже услужливо протирали тот же тип, что смотрел сквозь Радку, словно она была пустым местом. Но тут из-за спины Скарбимежа

выглянул мальчик... И Радка едва не села мимо стула. В первое мгновение она решила, что так заколдовали Янку – омолодили и превратили в мальчика. А что, откуда ей знать, могут так магии или нет? Но потом она увидела, что мальчик всё-таки немного отличался от подруги. Нос и подбородок были скорее как у Скарбимежа. Получается, Янка всё-таки тогда родила сына и – Радка сравнила мальчика с Фабусем, он был на пару лет старше.

Мальчик подошел к столу, за которым уже сидела спутница Скарбимежа и негромко спросил:

– Мама, можно мне мороженое?

Пока Радкин измученный мозг пытался справиться с новой версией, что Роза – это Янка, сменившая внешность и имя, та ответила:

– Нет, дорогой. Ты же знаешь, что от мороженого толстеют.

Ох нет, это точно не Янка. Тонкая и звонкая, счастливая и яркая, Янка никогда не думала о таких глупостях, и любила сладости. И уж точно не стала бы лишать своего сына этого.

Теперь и Скарбимеж присоединился к семейству, а Радка всё еще украдкой рассматривала их, пытаясь понять, что случилось с Янкой и Скарбимежем, и как вышло, что сын подруги называет мамой чужую женщину.

– Госпожа, – она вздрогнула, когда плеча осторожно коснулась чья-то рука. – Простите, госпожа. Мне сказали, что вас нужно проводить в общежитие найденных.

Радка с трудом избавилась от дрожания рук. Мальчик, да какой там мальчик, юноша! – её напугал. И всё потому, что рядом с этим семейством она чувствовала опасность. Непонятно от кого идущую, но опасность можно было буквально потрогать руками. Не самое приятное ощущение.

– Ничего, – она постаралась улыбнуться. – Мы готовы.

Она позволила юноше, представившемуся Венekom, взять её вещи, сама же она несла Фабуся. Так они и покинули кафе, не заметив, что их проводили внимательным взглядом.

11 глава

Радка огляделась. Это и есть те самые комнаты для найденных и их семей? Здание напоминало змею, раскинувшуюся вдоль реки, только с тысячей глаз, в которых мигал магический свет. Сами комнаты были больше, чем в родительском доме, но меньше, чем в доме Хенрика. Радка почувствовала себя обманутой. И длинные коридоры, словно бесконечный желудок этой змеи, подсвечивается тусклым светом, навевал на неё тоску.

Их проводник, совсем молодой магик Венек, вовсе не замечал кислого выражения на её лице, искренне гордясь своим и теперь уже и её пристанищем.

– На первом этаже кухни и душевые, сортиры. Вы быстро привыкнете к тому, что не нужно ходить в уличный домик, – трещал он, указывая на лестницу за дверью. – Там и ледяные ячейки, для каждой комнаты своя, можно хранить продукты. Вы сами открывать магически не сумеете, но для вас будут ключи. А юный магик сможет открывать своей магией. Он тут будет как дома. Нет, лучше!

"Юный магик" Фабусь довольно захихикал и вскарабкался на кровать. Похоже, ему и впрямь нравилось в этой комнате, которую его мать могла преодолеть в три шага до окна и пять – вдоль него. Впрочем, Фабуся можно было понять, он же не был в тех покоях, где его родители зачали его. Какие там были ковры, изящная мебель и балкон, увитый цветами...

Она подошла к окну и выглянула наружу. По крайней мере, окна выходят на реку, а не на вторую такую же змею.

– У нас редко родители приезжают вместе с найденными, ведь таких маленьких редко пускают к колодцам, – почувствовал её настроение проводник. – Подождите, познакомитесь с нашими ребятами, они помогут обустроиться, пространство растянут, мебель помогут раздобыть по дешевке, вы и не заметите, как забудете свой дом!

Радка неожиданно почувствовала себя ужасно старой рядом с этим восторженным юношей. Сколько ему зим? Едва ли семнадцать, и он младше её всего на полдюжины. Но она уже мать и никак не может объяснить мальчишке, что свой дом забыла в тот день, когда ела свое первое горькое яблоко.

– Если что-то понадобится, я через три комнаты дальше по коридору, но любой другой найденный всегда поможет матери одного из нас...

Его жизнерадостный тон словно споткнулся, и он неожиданно даже для себя шмыгнул носом. Радка без слов поняла это. Хоть они и сами улетали из дома, именно родители оставляли их, не следуя за детьми, чтобы продолжать защищать любить изо всех сил в враждебном не-магикам мире. Что же, если это поможет ей в будущем, она готова казаться милой и доброжелательной, даже если придется скрипеть зубами, даря улыбки этим сироткам, оставившим своих родителей. Они вырастут и, кто знает, может, один из них поднимется достаточно высоко, чтобы помочь им с Фабиушем.

Эти мысли немного развеселили Радку, и она впрямь улыбнулась мальчику, пообещав обращаться при случае.

Комнатка маленькая, но только их и больше ничья. А еще есть кухня и всё остальное, что там описал Венек.

– Подожди-ка! – остановила она собирающегося уходить мальчика. – Я не успела купить муки, масла и сахара, ты не поможешь с этим?

– Сейчас всё будет, – пообещал тот. – Мы всегда помогаем друг другу. Хотите, я покажу вам, как пользоваться плитой?

Разумеется, Рада хотела. А еще... Она не зря взяла с собой небольшой мешок яблок. Вообще-то на случай, если проголодается Фабусь. В остальном она рассчитывала на Манфреда. Но не вышло.

Теперь же она быстро завела тесто, с помощью Венека заставила его подняться в считанные секунды благодаря найденному старому рецепту – теперь она знала, в чем хорош её проводник. И пусть он работал курьером, учился он у старого архивариуса на том берегу реки. Его память с легкостью вытаскивала на поверхность то, что он когда-либо читал или слышал. Очень удобно, Рада оценила. Она едва успела нарезать яблоки и закарамелизовать их с щепоткой пряностей, как тесто оказалось готово.

Рада испекла гору пирожков и, пусть самые румяные отложила Фабусю, все остальные отдала изумленному Венеку с наказом поделиться с соседями. Знакомство с общежитием стоило начинать с хорошего. Теперь же, когда её яблочными пирожками пропахли, казалось, даже стены, а детишки столпились рядом с кухней, поедая глазами то, что надо было уже брать и есть, она успокоилась.

Пусть все поберегутся, а она не собирается упускать свой шанс. Пока дети ели пирожки, она сумела составить свое представление о том, что их ждет. Кажется, она зря боялась, и даже без помощи трусливого Манфреда ей не придется побираться – на каждого найденного выделялась небольшая сумма денег и продукты, которые они могли заказывать сами. Дети помладше заказывали готовые блюда, на что тратили большую часть выдаваемых денег. Но покупать им было особо нечего, разве что одежду и обувь, притом что форму, включая высокие шипастые сапожки всем найденным выдавалась бесплатно.

Готовить Радка не любила, но умела преотлично. Когда нет подруг и друзей, а муж кто-то вроде Хенрыка, будешь рад проводить время на кухне. А если кроме яблок чаще всего есть только яблоки, учишься хитростям готовки еще быстрее. Так что все эти детки будут только рады заказывать больше муки, масла и сахара, а еще мяса и зелени и получать еду дешевле и вкуснее, сохраняя свои деньги. А что они часть их потратят на игрушки или книги её Фабуся – так она на это только намекнет, почти незаметно. Они и сами с радостью согласятся.

С Фабусем вообще было не так, как со всеми. Вообще-то им никто не должен был позволять весь день одним шататься по городу, и у дракона их должен был встретить будущий учитель мальчика, но вот незадача – таких маленьких найденных никогда не было, и учителя не знали, к кому его определить. Вот и остались они без надзора.

– Возможно, кто-нибудь из старших девочек будет пока учить прямо тут, не в школе, – предположил Венек, уплетая уже третий пирожок. И куда в него влезает только! Радка гордилась своими сытными пирожками, но совсем не учла, как дети изголодались по домашней еде. Как они тут жили без неё, маленькие? – Лег до семи-восьми, а потом уже со всеми.

Радка расстроилась – неужели Фабусь останется без красивой формы и сапожек? Они бы ему очень пошли.

С другой стороны, если он будет учиться прямо тут, под её присмотром, это тоже неплохо. Девочки уже сейчас таскали Фабиуша на руках, совали какие-то сладости и игрушки, так что Радка могла спокойно заняться готовкой. Кажется, у неё даже появится теперь свободное время. Она любила сына, пожалуй, даже только его и любила, но хоть иногда побыть одной ей хотелось. Свободной она не чувствовала себя слишком давно, задолго до рождения Фабуся.

Заводилой среди старших магичек была рыжая кареглазая Патрыся, она даже в общежитие не расставалась с тяжелой перчаткой на руке и выглядела весьма воинственно, несмотря на невысокий рост. Кажется, она уже заканчивала учиться и скоро должна была покинуть общежитие, как и Венек. Так что Радка решила поскорее разузнать как можно больше об этом, подружившись с боевой девчонкой. Даже если Манфред за ними не придет, Фабусь тоже вырастет, и через дюжину лет им нужно будет искать дом и работу.

Патрыся, с первого взгляда влюбившаяся в крепенького хорошенького Фабуся, тотчас выложила всё, что знала. Как оказалось, найденным можно было не бояться остаться без работы. Их учителя сами подыскивали хорошие варианты и жилье на съём. Многие оставались жить в домах своих преподавателей, снимая комнаты на первом, более дешевом этаже. Чаще

всего так делали в том случае, если хотели продолжить учиться, а работать готовы были пока на подхвате – курьером или няней... В воздухе явно повис вопрос, и Радка пока не могла дать на него ответ. Она бы с радостью взяла Патрысю смотреть за Фабусем, если бы Манфред нашел им жилье и позволил взять слуг. Радка ведь не собиралась отбирать его у законной супруги, она просто хотела получить свое место в жизни. И пусть в мечтах иногда проскальзывало воспоминание о том, как легко Роза заняла место Янки, Рада прекрасно понимала, что у неё на это нет ни сил, ни умений. Так что она согласна и на вторую роль, да только и её вероломный любовник не спешил предлагать. Или лучше сказать, бывший любовник? Всё было непросто и для них с Фабусем, куда сюда пихать еще и Патрысю...

Всё это она как могла объяснила Патрысе, ничуть не смущаясь своего зыбкого положения в магическом мире. Тут все были из таких же сел, как и она, и вполне могли понять, как хочется вырваться оттуда.

– Я поняла, – Патрыся и впрямь ничуть не удивилась. Несмотря на свой юный возраст, она была совсем неглупой девочкой. Даже путанную историю про магика, который мог приглядеть за Радкой и Фабусем приняла как есть, не переспрашивая. – Я пока подожду. Время-то еще есть.

Да, Радке пояснили уже, что учеба начиналась осенью, когда собранный деревнями урожай распределится между самими яблочниками от земли и магами, когда все мастера вернутся в город и будут готовы начать обучение. В некотором роде занятия приурочивали ровно к найденным, а не родившимся в городе магикам, ведь после урожая оставалось всего две-три недели на то, чтобы привыкнуть к новому месту, расставанию с родителями и друзьями, и окончательно понять, что ты теперь магик и пути обратно нет. Тут Радка была согласна – две-три недели для этого были ой как нужны.

За пирожками и чаем удалось ей задать и давно мучивший вопрос, не относятся ли к найденным здесь как к низшему сорту. Не этого она хотела для Фабуса, и, если вдруг Янка пропала, потому что была найденной, она вытрясет из Манфреда и его Евы душу или что там у проклятых мажиков вместо неё, но заставит признать её сына полноправным наследником.

Но нет. Вся разница между теми, что прилетели в город на драконах и теми, кто в нем вырос, была лишь в том, что у вторых была семья и поддержка. Это немало, но женившиеся или вышедшие замуж найденные тотчас получали то же самое, а еще были бездетные учителя, которые пестовали маленьких найденных как своих собственных потерянных детей. Разве что пирожками накормить не могли – сами не слишком дружили с кухней. Тут Радка совсем не удивилась – это же магии, у них и руки из другого места растут!

Спихватилась она, когда Фабусь начал тереть глаза и зевать. Пришлось нести ребенка в комнату, где уже появилось несколько игрушек, подаренных выросшими магами. Да и кроватку Венек с Патрысей соорудили ему на совесть. Она была точь-в-точь как те, что вырезали мастера в деревнях, только сделана не из яблоневого дерева, а из того, что было. Но Рада положила под подушку яблочко, как всегда делала, чтобы сын хорошо спал, и всё встало на свои места.

Сама она спать не ложилась. Вроде бы и провела весь день на ногах, а ночью впервые летела на драконе, но сна не было ни одним глазом. Слишком много событий вместил этот день, разом перевернув её жизнь. И драконы. Откуда ей было знать, что по сигналу все драконы из окрестных деревень разом поднимаются в воздух и летят в сторону города? Жуткое зрелище, когда понимаешь, сколько их.

Пусть Радослава в темноте насчитала чуть больше дюжины, но это были драконы с их стороны, а к городу подлетали и другие, да и величина этих чешуйчатых чудовищ была такова, что крыльями он легко накрывал крыши пары крупных городских домов. Большая часть драконов возвращалась лишь со своими всадниками, поэтому в городе они даже не садились на специально сконструированную для них площадку прямо на торговой площади, а, сделав круг,

уходили в сторону гор. Радке было страсть как интересно знать, где живут и чем кормятся эти великолепные существа, но везущий их всадник предпочитал лететь молча.

Теперь же Рада смотрела в окно на реку и на темнеющие вдалеке за домами горы, и пыталась представить, что там, далеко за городом, все драконы находят свое убежище, а их всадники... они остаются с ними или отправляются домой с помощью перчатки? Или они поят и кормят своих крылатых друзей, а потом моют и натирают песком чешую, чтобы она блестела?

Раньше Рада просто мечтала оказаться магом и убраться из своего села в новый интересный мир. Но теперь, когда этот новый мир оказался сжат до Фабуса и выделенной им комнаты в общежитии, Радка вдруг захотела большего. Она поняла, что не останется просто приживалкой при сыне, чего бы ей это не стоило. Нужно будет для этого всего лишь приглядеться к учителю Фабиуша, кто знает, может, мастер возьмет её готовить пирожки и супы для себя и своих учеников, а уж она расстарается так, что он и думать забудет о её низком немагическом происхождении. Янкиным браслетом пользоваться она могла, родила магика. Может, и драконы окажутся не так привередливы?

Полет длился так недолго, но занял всё свободное от Фабуса место в маленьком злом сердечке Радки. Где-то на периферии памяти болтались еще красавец Манфред и пропавшая Янка, но в остальном вся жизнь Рады теперь была посвящена мечтам о будущем сына и о драконах.

Оставалось только дожидаться того человека, кто должен был стать учителем её сына. С этими мыслями Радка наконец уснула, когда со стороны гор уже поднималась заря, румяня острые пики.

А утром у них и впрямь на пороге оказался гость, но совсем не тот, какого ожидала Радослава.

12 глава

Незнакомец был худ и моложав, однако Радка сразу заподозрила в нем уже немолодого мага. Его короткая стрижка отличала его и от большинства магов, предпочитающих носить длинные волосы, и от селян, стригущихся так, чтобы волосы едва прикрывали шею. Он весь напоминал хищного зверька, порывистого и постоянно чутко пробующего воздух длинным острым носом. Волосы, стоящие коротким ёжиком, были, как принято говорить, соль с перцем, а вот лицо было гладко выбрито, чем отличались только молодые магики, к каковым этого Радка относить отказывалась.

– Вот как живут найденные, – наконец произнес незнакомец и провел пальцем по спинке дряхлой кровати. – Ну-ну.

– Именно так и живут, – Радка сложила руки на груди и уставилась на гостя. Нет, магессой она не была, и ей не зачаровать было даже садовую сою, но в селе ходили слухи, будто её глаз недобрый, и она могла сглазить. Сейчас это бы очень пригодилось, оставалось только жалеть, что глаза у нее светлые, а не темно-карие, как у настоящих глазливых колдунов. – А вы по какой причине интересуетесь? От скуки?

Магик недоуменно моргнул, на мгновение растеряв весь надменный вид. Впрочем, лишь на мгновение. Он снова прищурился, скрывая под ресницами темно-синие недобрые глаза.

– Вы напрасно приехали и сына привезли, да еще такого маленького, – заметил он с неприятной ухмылкой. – Такими малышами наставники не занимаются, дадут вам какого-нибудь молокососа, чтобы читать научил, да в травах разбираться. И то, если успеют...

– Фабиуш умеет читать, – с достоинством ответила Радка, сама холодея от страха. – И разве найденные не охраняются законом?

– Охраняются, – ухмылка у незнакомца была уж очень нехороша, Радке она напоминала гадюку, скользкую в траве. Так же змеилась на холемом лице мага. – Только от стандартных опасностей. Не стоило вам переходить дорогу моей сестричке, госпожа.

Это обращение прозвучало как ругательство, и Радка непроизвольно вздрогнула вновь. Теперь она сообразила, у кого видела такие же глаза, синие, но колючие. Злые.

Стало страшно. Нет, она не была настолько наивной, чтобы полагать, будто их разговор с госпожой Евой в кафе вот так закончится, и их оставят в покое. Но так быстро? Она и впрямь разозлила эту магессу. Точнее, они с Фабусем. Хотелось прижать сына к себе, но она не позволила себе такой слабости. Даже не оглянулась на мальчика, который проснулся и снова проверял на прочность кровать. Он прыгал на пружинистом матрасе – лучшем, что было в этой убогой комнатке, время от времени не возвращаясь обратно, а паря под потолком. По Янке Радка помнила, что это даже для сильных найденных очень неплохо, да еще в таком возрасте, к тому же взгляд мага то и дело скользил по ребенку не с презрением, а совсем наоборот, с невольным одобрением. И это придало Радке уверенности. К тому же, у нее был козырь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.